

Книги Ильи Крымова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ДЕТИ СИЛАНЫ. ПАУК ИЗ БАШНИ
ДРАКОНОВ БАСТАРА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИЛЬЯ КРЫМОВ

ДРАКОНОВ БАСТАРД

РОМАН

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К85

Серия основана в 1992 году
Выпуск 925

Художник
О. Юдин

Крымов И.
К85 Драконов бастард: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 603 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1866-4

Гордыня виной всем бедам, и кому, как не волшебникам и магам, знать об этом? Ведь это они себялюбивые, жестокие, эгоистичные, жадные и испорченные собственным могуществом гордецы, отчаянно цепляющиеся за власть! Да, они действительно мудры, на многое способны, порой по-настоящему отважны и верны древним заветам, но все это становится столь незначительным, когда волшебники вновь начинают бороться за превосходство внутри своей древней касты. А если еще один из них, истинный безумец, одурманенный амбициозными мечтами, решает, что пора менять мировой порядок?.. Но эта книга не о нем. Она о Тобиусе, совсем юном по меркам магов, но таком талантливом носителе Дара, который дерзнул претендовать на титул магистра Академии Ривена, когда ему не минуло и пятидесяти лет. Да, в конце концов юноша получил заветный посох и право на второе имя, но очень скоро он понял, какие беды навлекла на него его гордыня!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Илья Крымов, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1866-4

Iro simpre servitoris estituire.
*Absalon Magus Magestra Jassah Anseffierish*¹

Гроза разыгралась не на шутку. Гром тряс почерневшие небеса, ослепительные мосты между тучами и горизонтом вспыхивали то там, то тут в виде изломанных молний. Могучие духи грозового ветра бесновались над землей и на земле, раскачивая трещащие древесные стволы.

Трое путников пробирались по запущенной проселочной дороге по щиколотку в грязи, противостоя ударам ветра. Продвигались они без особых трудов: ведь двое из них вообще не чувствовали ни холода, ни усталости, а третий укутался в кокон заклинания, которое дарило ему его собственный теплый и сухой микроклимат. Они приближались к пересечению двух дорог.

На перекрестке стояла сторожевая башня. Когда-то она служила королевской армии, но теперь и сама башня, и приземистое здание, из которого она росла, превратились в придорожную гостиницу. О том свидетельствовала освещаемая стеклянным фонарем вывеска «Кладбищенский двор».

— Зайдем? — обратился маг к своим спутникам.

Те в ответ лишь тихо заскрипели.

Сначала волшебник обошел гостиницу кругом, осмотрел задний двор, пересчитал лошадей в конюшне и крытые телеги, оставленные за зданием. Он отметил, что у этого места не то чтобы имелась плохая аура, но что-то беспокоящее витало вокруг. Лошади тоже это чувствовали, они не ржали и не поднимались на дыбы, не колотили копытами в двери денников, но явно беспокоились, тяжело и напуганно храпели.

А еще волшебник заметил несколько охранных заклинаний, наложенных на колодец, на дверные косяки и оконные ставни. Вернувшись ко входной двери, он поднялся на порог и распахнул ее.

В обеденном зале царило тепло, освещения вполне хватало, но можно было бы и не жалеть масла для ламп. Пахло пристойно

---

¹ Мы всего лишь слуги. Абсалон, Маг Магов Джассар Ансафарус (*эрог.*).

и вкусно. За столами обреталось довольно много людей, явно торговых и путешествующих, которых ненастье застало в пути. В общую компанию затесалось даже несколько пилигримов.

— Пойдите в угол.

Безмолвные попутчики послушно отошли в угол и замерли там. Пройдя чуть глубже в зал, маг обернулся вокруг себя, осматриваясь внимательнее. Он отметил висящий над дверью волчий череп, медный символ Святого Костра на стене, несколько масляных светильников, довольно чистый пол и столы; почти не закопченный потолок. В целом заведение оказалось вполне приличным, хотя до прекрасного трактира «Под короной» недотягивало.

Волшебник, давая всем желающим возможность осмотреть себя, не спеша прошел к стойке, за которой стоял, видимо, местный хозяин. Высокий сухопарый мужчина с острым лицом и близко посаженными глазами. Его волосы имели цвет пепла, в правом ухе блестела серебряная серьга с рубином, а движения, которыми он протирал деревянные кружки, казались чрезмерно скупыми и выверенными.

— Мое почтение, — кивнул человек за стойкой, — чего желаете?

— Теплого вина с корицей, чего-нибудь пожевать и, если можно, место, чтобы переночевать.

— Сию минуту, почтенный. Ашке, Фрешке! Теплого вина и тушеной баранины господину!

Из кухни высунулась всклокоченная русая голова бледнолицего щекастого парня, кивнула и исчезла.

— Не желаете ли пива? «Дубовой бочки», конечно, не предлагаю, не по моим клиентам выпивка, но есть очень неплохое темное с пивоварен Балакуленда.

— Нет, спасибо, только вино. И насчет ночлега...

— А вот кровати закончились, уж простите.

— Тогда, если можно, я пересплю здесь, на скамье.

— Как пожелаете, за это денег не возьму... господин?

— Чар. Чар Тобиус.

— Чар Тобиус, — кивнул хозяин. — Я — Марэн. Располагайтесь.

Тобиус уселся за длинный стол в сторонке от переговаривающейся тройцы батраков, дождался заказа, с аппетитом поел и, переместившись в самый дальний уголок, стал листать свою книгу заклинаний. Периодически он поглядывал вокруг, отмечая, какие чары наложены на колесо люстры под потолком, какие на волчий череп, а какие просто вплетены в стены.

Постепенно гости «Кладбищенского двора» разошлись по

снятым ими комнатам. Маг подозвал своих спутников, те придвинулись и по его приказу уселись на скамью рядом.

— Сторожите меня.

Укутавшись в тусклый серый плащ, пристроив под голову сумку, волшебник почти мгновенно уснул.

Спал он крепко, но в то же время сон ему снился неприятный. Темнота с горящими глазами окутывала его и шептала ему в уши, призывая одуматься. Шепчущий склонял его стать новым носителем своей силы, принести ее обратно в Валемар и возвыситься благодаря этому. Но Тобиус неизменно отказывался, стараясь изгнать проклятые видения. С тех пор как это началось, он уже пообвык, но постепенно усталость брала свое, а Шепчущий не отпускал, как бы далеко на восток волшебник ни уходил.

Проснулся Тобиус от того, что кто-то сжимал его руку железными тисками. Открыв глаза, он увидел свои пальцы в зубах Лаухальганды. Прыгучий шарик из черной материи, гибкой и упругой, словно каучук, снабженный широким зубастым ртом и кошачьими зубами, разжал хватку.

— Фр-р-р-р, — предостерегающе заурчал он.

Тобиус поднял глаза и увидел, как в тусклом утреннем свете в обеденный зал «Кладбищенского двора» входят двое. Они были одеты в промокшие дорожные плащи с глубокими капюшонами. Один задевал головой притолоку и казался широкоплечим, как харандийский тролль, второй немного превосходил ростом гоблина и имел такую же сутулую осанку. Незнакомцы осторожно прошли по залу, не подозревая, что за ними следят, и скрылись на кухне. Тобиус мягко поднялся, потянулся, вынул из поясного кольца свой жезл и пошел следом, предварительно приказав спутникам ждать.

На кухне никого не оказалось. Прокравшись мимо холодного очага, он заметил приоткрытую дверь в другой стене, за ней была лестница в прохладный каменный мешок погреба. Не рискуя создавать светящихся мотыльков, чтобы не обнаружить себя, волшебник впотьмах пересек погреб и отыскал следующую дверцу. Она вела еще на одну лестницу, на этот раз широкую, винтовую, уводящую далеко вверх. Тобиус понял, что находится у основания башни, возвышающейся над постоянным двором. Поудобнее перехватив жезл, он начал подъем. Далеко наверху виднелись отблески света.

Поднявшись на предпоследнюю ступеньку, маг замер рядом с открытым люком, из которого проникал свет и голоса.

— ...Поэтому для всех будет лучше, если вы добровольно последуете за нами.

— А если я откажусь?

— Мы применим силу.

Голос, убеждавший «идти добровольно», был невыразителен и спокоен. Второй голос тоже звучал спокойно, и принадлежал он хозяину «Кладбищенского двора».

— Как это ожидаемо.

— Прошу вас, чар Марэн, давайте обойдемся без лишней возни.

— У меня полно постояльцев...

— Мы попросим их встать пораньше и удалиться со всем смирением. Думаю, они войдут в положение. Собирайтесь.

Тобиус вернул жезл на пояс и пролез внутрь через люк.

— По какому обвинению вы, добрые братья, хотите забрать чара с собой? — спросил он, опуская приветствие.

Громадный монах стоял у дальней стены и осматривался, пока маленький монашек беседовал с хозяином. Тот сидел за широким столом, заваленным свитками и книгами. Все трое обернулись к незваному гостю. Маленький монах соизволил откинуть на плечи капюшон и взглянул на Тобиуса неприятно круглыми, словно у совы, неподвижными глазами, устрашающими, буравящими взором саму душу. Его худое лицо ничего не выражало, однако в позе скользил немой вопрос.

— Чар Тобиус, маг Академии Ривена, — представился Тобиус. — Специализация — серая магия. Нахожусь здесь случайно. Направлялся через Каребекланд в столицу по Королевскому тракту, но в землях Энверигена в силу некоторых причин пришлось спуститься по течению Палефата до городка Тумнэ и продолжить путь по дороге Терна. Немного поблуждав в хайборданской глуши, был остановлен военным заграждением. Пришлось сделать большой крюк, я почти заблудился и оказался здесь, на самом юге Ривена. Прошлой ночью получил приют в этом заведении. А теперь я повторю вопрос: в каком преступлении вы намерены обвинить этого мага?

Монашек склонил голову набок, чем сразу напомнил Тобиусу брата Марка. Его громадный собрат следил за волшебником внимательно, но, к счастью, не враждебно.

— Святой Официум никого не обязан посвящать в тайну следствия, — наконец ответил маленький. — И ваше присутствие здесь, чар Тобиус, нежелательно.

Молодой волшебник тихо сглотнул ком, вставший в горле. Напарываться на неприятности с агентами Инвестирации никак не входило в его планы, но притворяться немым и покорным было уже поздно.

— Вы ошибаетесь... брат? Святой отец?

— Брат Ольвех.

— Вы ошибаетесь, брат Ольвех! Я вижу, на стене висит меда-

льон, символизирующий положение данного волшебника в рядах выпускников Академии. Любые его обвинения являются делом Академии Ривена и всех магов королевства. Вы не можете чинить произвола.

— Вмешательство в дела Церкви чревато, чар Тобиус.

— Академия Ривена узнает о происшедшем, как только вы попытаетесь нарушить договоренности, брат. Святому Официуму будет выдвинут вотум протеста, и в Ордерзее начнется сбор магического трибунала, на который вы будете вынуждены доставить этого мага в сопровождении трех магистров. До того момента по закону этот волшебник будет оставаться в своем обиталище, и никто не имеет права принуждать его к перемещению. Если у вас нет прямейших доказательств, уличающих его в причастности к тому или иному преступлению. В таком случае можете разводиться костер хоть здесь.

Тобиус перевел дух и постарался улыбнуться как можно более миролюбиво:

— Я специалист по магическому законодательству в Ривене, а также по его положениям, общим для всего Вестеррайха.

Монахи не впечатлились его короткой речью — уж слишком явными выглядели старания Тобиуса казаться грознее, чем он есть на самом деле. Высокий клирик улыбнулся почти так же добродушно, как сам маг, сутулый коротышка остался безразличен.

— Мы вернемся завтра утром, чар Марэн.

И они просто ушли. Ни угроз, ни прощаний — ничего. Тобиус подошел к окну и попытался рассмотреть с высоты — на чем приехали добрые братья?

— Надо же, они действительно на этом жутком фургоне! Маговозка...

— Благодарю вас, чар Тобиус.

— Да-да, — отмахнулся серый волшебник, — не за что. Почему вы не защищались?

— Как?

— Не надо быть специалистом в магическом праве, чтобы отбиться от радикально настроенных клириков.

— Не в моем случае.

— Даже если вы некромант, чар Марэн, а вы некромант, насколько я понимаю, вы имеете право на защиту Академии. Пока не преступаете закона. Вы ведь не преступали?

Тобиус осмотрел кабинет-лабораторию некроманта. Просторное помещение на вершине башни, под самой крышей, большие окна, много шкафов, книг, магических приспособлений разной степени ценности, стеллажей с ингредиентами, чучело черного ворона, сидящее на жердочке... забавные свечи в виде

человеческих позвоночников. На каждом восковом позвонке имела цифра, и по мере сторания можно было считать время.

— Так вы преступали или нет?

— Вы спрашиваете, практикую ли я призыв мертвых душ и создаю ли кадавров? Нет, этого я не делаю.

— Хорошо. Потому что это против законов королевства, Господа-Кузнеца и человечности...

— Вы голодны, чар Тобиус? — перебил его Марэн.

Вскоре некромант уже стоял у разожженного очага и жарил во взбитых яйцах кусочки мяса, зелени, овощей. Тобиус примостился на табурете у двери в обеденный зал и следил за его умелыми движениями.

— Итак, что заставило добрых братьев Петра потревожить ваше уединение, чар Марэн?

— Тот большой — иоаннит, я думаю, — поправил хозяин, перекладывая еду на глиняную тарелку. — Приятного аппетита.

— И все же?

Некромант вытер полотенцем руки и сел рядом.

— Они ищут некоего, скажем так, лиходея. Вы знаете, что в городах и весях Хайбордана начали пропадать люди? Преимущественно дети. Кто-то или что-то крадет их. Во сне.

— Чудовище? Демон? Колдун?

— Если бы я знал! — Марэн с хрустом дернул головой сначала в одну сторону, потом в другую. — Я веду спокойную тихую жизнь в идеальном месте, на перекрестке почти заброшенных дорог едва ли не на окраинах обжитых земель. Путники здесь редкость, ибо местечко это стоит вдаль от торговых трактов, но через постояльцев я узнаю о происходящем во внешнем мире. В последнее время людей стало намного больше, и они не гнушаются моим «Кладбищенским двором», хотя я и постарался сделать это место как можно менее привлекательным. Путники сейчас боятся ночевать под открытым небом больше, чем когда-либо.

Тобиус жевал и, кивая, показывал, что внимательно слушает.

— На дорогах трижды находили растерзанные останки. И работа эта была не зверя, а человека. Возможно, путники и приукрашивают, но я слишком часто слышал, что внутренние органы лиходея выложил рядком, а телесные ткани вскрыл аккуратно, как хирург. Некоторых частей не хватало.

— Слишком странные подробности перетекают из уст в уши среди простых странников. — Тобиус облизнулся. — Скорее всего, это байки, выдуманные каким-нибудь не в меру вдохновленным от недоедания сказителем в какой-нибудь захудалой таверне.

— Надеюсь, что вы правы.

— Э... я не покажусь слишком наглым, если попрошу добавки?

Марэн удивленно приподнял бровь.

— У вас крепкий желудок, чар Тобиус. Растерзанные люди вас не пугают?

— Пугают. Но я должен держать себя в руках. Как и вы.

— Мне по профессии нужно...

— Мне тоже. Даже не будучи некромантом, следует быть готовым встретить всякую гадость. А уж я-то повстречал столько разного! Так когда перекрыли Королевский тракт?

— Полторы недели как.

— Причина?

Марэн пожал плечами, показывая, что не знает, и Тобиус пристально посмотрел ему в глаза.

— Чар Марэн, я видел воронье чучело наверху. Этот ворон — ваш некротический фамильяр¹, если я не ошибаюсь? Вы ведь посылали его на разведку?

— От вас ничего не скроешь, чар Тобиус, — не стал тот дальше врать. — Но там ничего нет. Почти. Деревня, окруженная солдатами Церковного Караула, по которой рыщут инвестигаторы, и только.

— Только?

— Она обезлюдела. Насколько я понял, люди просто исчезли. Скорее всего, это обнаружил какой-нибудь проезжий, может, коробейник, и обо всем донесли церковникам, а те отрезали промежуток тракта. Теперь следователи Инвестигации изучают это место и вместе со своими солдатами прочесывают леса. А леса здесь темные, знаете ли.

— Святой Официум не запросил помощи Академии?

— Это бы ударило по его гордости — полагаю, нет, ищут сами. Я даже не уверен, знают ли о происходящем в Ордерзее.

— И конечно, добрые братья сразу пришли к некроманту?

— Вообще-то не сразу. Я ждал их гораздо раньше, а вчера днем брат Ольвех и брат Хорас навестили меня впервые. Сегодня еще раз. Завтра они придут в последний раз, и я отправлюсь вместе с ними, так или иначе.

Тобиус смотрел в сторону, в кухонное окно, и едва заметно раскачивался на табурете.

— Этот Ольвех петрианец. И он служит непосредственно Святому Официуму. Значит, профессиональный магоборец.

---

¹ Животное, связанное с волшебником чарами сродства. Обычно фамильяр приобретает высокий интеллект, может понимать волю своего хозяина без слов, а то и сам начинает разговаривать. Практически всегда маг может видеть глазами своего фамильяра и слышать его ушами.

Опасно, но преодолимо. А брат Хорас? Что вы знаете о нем помимо того, что он громадный, как тролль?

— Чар Тобиус, не задумали ли вы святотатства? Нападение на слуг божьих...

— Никто не будет ни на кого нападать, чар Марэн. Надеюсь.

Некромант дернул плечом.

— Брат Хорас — иоаннит, а значит, в рукопашной схватке ни вы, ни я с ним не справимся, несмотря ни на какие мутации наших организмов. К тому же у него при себе некая святая реликвия, такая сильная, что меня мутит, когда он рядом, и голова начинает раскалываться.

— Да, ореол святой благодати глаза режет. Под его плащом было нечто такое, что может сильно задеть мага, — не удивлюсь, если это освященный молот или что-то вроде. Стало быть, если добрые братья применят силу, мы либо убежим, либо немного поупрямимся и будем биты.

— Чар Тобиус, я и думать не желаю об этом. Драться с монахами или тем более убежать от них — мне не с руки, не для того я ограничивал себя всю жизнь, чтобы теперь все пошло прахом! Мой вам совет: идите куда шли. Вы ведь идете в Ордерзее?

— Да.

— Ступайте с миром, чар Тобиус.

— Бросить все так я не могу. Сегодня они будут безосновательно обвинять вас, а завтра — всю Академию. Это важно. К тому же я имею небольшой опыт общения с петрианцами. Один из них оказался вполне нормальным и смышленным человеком. Жутковатым и очень строгим в суждениях, но все же хорошим. Это дает надежду. Кстати, это же не вы убиваете людей и воруете детей, верно?

Волшебники встретились взглядами. Некромант не возмутился по поводу неожиданного оскорбления, серый маг не отводил горящих желтых глаз, не чувствовал ни стыда, ни неловкости от своего вопроса.

— Не могу защищать виновного. Вы же понимаете.

— А если это и я? Вы пойдете дальше или поможете монахам?

— Нет, — ответил Тобиус. — Я вас уничтожу.

— Правда?

— Правда. Если я поверю, что это вы творите лихо, я немедленно нападу на вас и приложу все усилия, чтобы вас уничтожить. И поверьте, чар Марэн, я преуспею. При всем том, что мы на вашей территории, практически под вашей башней, я вас уничтожу, а это место сровню с землей и насыплю гору соли сверху.

Вот так общение между магами резко перетекает от миролюбивой симпатии к готовности немедленно броситься в атаку и

загрызть противника собственными зубами. Иначе волшебники общаться не могли — слишком много сил уходило на самоконтроль. Из-за этой стороны своей природы им было трудно сотрудничать, да и просто терпеть друг друга, так что годы обучения в Академии среди множества себе подобных всегда казались самыми сложными.

— Я не причастен к этому, — сказал Марэн.

— Хорошо.

— Вы мне поверили?

— А я не должен?

— Я некромант.

— Не единственный в Вестеррайхе. К тому же я знал некроманта, который никогда не врал. Его звали Малкарус.

— Я тоже его знал.

— Правда?

— Бросьте, чар Тобиус, сколько некромантов учится в Академии? Один на две сотни неофитов! Мы все знали друг друга. Кажется, он должен был закончить обучение на пять лет позже меня.

— Вы получили жезл семь лет назад?

— Примерно.

Тобиус не стал выказывать удивления. Его собеседнику, должно быть, едва перевалило за тридцать, но выглядел он основательно за сорок. Необычное явление для магов, которые и к ста годам порой сохраняют внешность тридцатилетних.

Некоторое время они не говорили. Марэн готовил вторую порцию завтрака, а серый волшебник барабанил пальцами по колену и таращился в окно.

— На что вы готовы, чтобы защитить свою жизнь, чар Марэн? — наконец спросил он.

— На многое, но не на противостояние с Церковью.

— Да что вы зациклились?! Не будет никто воевать с Церковью! Если петрианец не заставил вас силой идти с ним сегодня, то и завтра не заставит! Однако он не отстанет от вас! Если понадобится, то и доведет дело до конца по закону! Вам это надо?

— Мне нечего скрывать.

— Всем есть что скрывать. Если Святой Официум очень захочет, он найдет причину возвести вас на костер. Просто потому, что чем меньше некромантов, тем лучше. Советую подготовиться.

— К костру?

— К путешествию. Я погощу у вас немного дольше, чем собирался сначала.

— Чар Тобиус, зачем вы это делаете?

Серый маг, уже опустошивший вторую тарелку, вытер губы полотенцем и пожал плечами.

— Путеводная Нить привела меня сюда для чего-то. Значит, надо что-то делать.

Весь день Тобиус сидел в обеденном зале и изучал свою книгу. Пользуясь магическим ярко-синим пером, он наносил на страницы новые системы, чертежи и плетения чар, пробовал применить их в построении нового заклинания, и если в итоге разочаровывался в их потенциале, то поддевал линии пишущим кончиком пера и сбрасывал на промокашку в виде чернильных клякс. В перерывах между этим занятием и едой он раскладывал на столе множество различных деталей некоего механизма и начинал собирать их воедино. Со стороны этот прибор, еще не собранный должным образом, напоминал сверкающий начищенной бронзой и медью круглый предмет со странным циферблатом, на котором вместо цифр были картинки.

На следующее утро серый волшебник проснулся затемно, освежился холодной водой, оделся и стал ждать в пустом зале. Почувствовав, что постепенно проваливается обратно в сон, он вышел подышать на утреннюю прохладу.

Как следует промочив сапоги в росе, пока гулял туда-сюда по перекрестку, Тобиус почувствовал необходимость справить малую нужду. В процессе этого дела он неосторожно задрал голову вверх и сразу же пожалел. Последние несколько дней небо было свинцовым от застилавших его туч, и маг благополучно забыл о ней — о комете, о длинном изогнутом росчерке, красном, как края рубленой раны, нанесенной на небесные тела. Но она была там, денно и ночью ползла по небу раскаленным червем, зловещая и сулящая смертным множество бед. Появившаяся около двух лет назад, эта проклятая комета не желала исчезать.

Монахи явились так же рано, как и прошлым утром. К тому времени Марэн уже был внизу и встречал их вместе с Тобиусом.

— Вижу, вы готовы к пути, чар Марэн.

— Готов, — вместо некроманта ответил серый маг, — но не к путешествию в вашей компании.

Петрианец безмолвно уставился на Тобиуса, ожидая продолжения. Жуткий-жуткий взгляд.

— Брат Ольвех, насколько мне известно, нечто ужасное творится в графстве Хайбордан. Нечто, к чему мой собрат по Дару не причастен. Вместо того чтобы прибегнуть к нашей помощи, вы пытаетесь переловить всех магов вокруг, что лишь помогает злодею скрываться от рук Правосудия. А тем временем нет никаких доказательств, что к злодеяниям причастны носители магии...

— Позвольте вас прервать, — спокойно перебил петрианец, — но у нас есть основания считать, что было применено колдовство.

— Если вы говорите о деревне, в которой исчезли все жители, то это можно было провернуть и без магии. Достаточно нескольких десятков мушкетеров, которые погонят виллан одним-единственным залпом над головами. Простолюдины становятся очень покорными при виде оружия.

— Откуда вам известно о деревне, чар Тобиус? Это знание запрещено к разглашению.

— Тайну под открытым небом утаить невозможно. К тому же я умею плести заклинания, чтобы видеть все и вся на расстоянии трех дневных переходов. Ну не совсем все, конечно, но все, что под открытым небом. Так что это было несложно.

— Чар Тобиус, мы напрасно тратим на вас время. Чего вы добиваетесь?

— Если коротко, то я предлагаю себя и чара Марэна в услужение Святому Официуму. Временно. Когда я узнал об ужасах, творящихся на дорогах, я решил, что, как добрый амлотианин, не могу оставаться в стороне. В то же время, если мы сможем выяснить, что происходит, подозрения от чара Марэна будут отведены, не так ли?

Монах молчал долго. Пугающе долго с учетом сложившихся обстоятельств. При этом на его лице не двигался ни единый мускул — абсолютное спокойствие на грани апатии.

— Нам не было поручено расследование убийств непосредственно.

— Разве это повод не совершить благого деяния?

— Это повод повиноваться старшим братьям и исполнять возложенную миссию.

— Мы можем сделать по-моему, — сказал Тобиус, — или по-моему. Либо будем ждать появления трех магистров из Академии, чтобы учинить над чаром Марэном законный суд магического трибунала, который докажет его невиновность и скроет его в стенах Академии, либо попытаемся спасти жизни, которые еще можно спасти. Что предпочтительнее?

— Для нас предпочтительнее забрать чара Марэна силой.

Двое молчаливых спутников Тобиуса, дотоле сидевшие в сторонке, со скрипом и лягганьем встали. Пустая видимость поддержки: ни один из них не выстоял бы долго против иоаннита.

— Куда намылились, защитнички? Сесть! — приказал Тобиус.

Они подчинились.

— Брат Ольвех, либо вы примете наше предложение, либо через полчаса на этом месте будут одни развалины и несколько

мертвых тел! Это самый нежелательный, самый пугающий меня исход, клянусь! Но клянусь также перед ликом Господа-Кузнеца, я не позволю вершить беззаконие! Никому, особенно слугам Его!

Тобиус положил ладонь на набалдашник жезла и уставился прямо в немигающие жуткие глаза петрианца. Некромант заметно напрягся, на широком лице брата Хораса появилось выражение слабой грусти, обе его руки находились под плащом, возможно, уже на оружии. Ольвех, который нисколько не испугался угроз, наконец-то слабо кивнул:

— Так тому и быть. Мы с вами отправимся на поиски, и если то угодно Господу-Кузнецу, мы окажемся в нужное время в нужном месте. Если же нет, то по истечении семидневного срока я и брат Хорас возьмем чара Марэна под стражу и исполним порученную нам миссию. Если вы пожелаете нам помешать, мы также не станем сдерживаться и прольем на вас чашу божественного гнева.

— Семь дней. — Тобиус убрал руку с жезла. — Будем искать и молиться, молиться и искать. Выходим прямо сейчас! Чар Марэн, забыл спросить, у вас имеются возражения?

— Никаких. — Некромант поправил фибулу плаща. — Все лучше, чем катиться в маговозке.

Монахи покинули «Кладбищенский двор», не дожидаясь волшебников.

— Это только отсрочка. Я хотел получить больше времени, и брат Ольвех дал мне его, но при этом он вытребовал себе право забрать вас без лишних церемоний, если мы потерпим крах.

— У нас есть семь дней. За семь дней Молотодержец проделал путь от одного из множества проповедников до признанного всеми мессии, взошедшего в небесные чертоги.

— Ваша правда. Ворон уже в небе?

— Облетает территорию с ночи.

— Тогда идемте. Забияка, Жнец, за мной!

Прежде чем окончательно покинуть свой постоялый двор, некрмант около четверти часа накладывал на него охранные чары. Страшное случится с тем несчастным, который попытается обворовать это место в отсутствие хозяина.

Хайборданский лес был древен и темен, он являлся частью лесов Дикой земли и таил в себе почти те же самые угрозы, что и она. Поселения ривенских южан ютились за крепкими каменными стенами и походили больше на крошечные крепости, нежели на пасторальные деревеньки Димориса или Эстрэ. Жители приграничья знали, что леса нужно бояться, и они знали, что его нужно чтить, — ведь вся жизнь на юге питалась от его щедрости.

Почва в Хайбордане состояла из одних только камней, укрытых тонким земляным одеяльцем. Упрямая, скудная, она отвергла плуг, зато лес кишел живностью, кормившей простолюдинов на службе у графского рода Каберденов. Охотники за пушниной и дичью, а также рыбаки приносили их казне основной доход.

В большей части края между людьми Господа-Кузнеца и духами лесной чащи установилось прочное равновесие, но на самом юге, вплотную к границе, земли были малообитаемыми. Мелкая нечисть водилась там в немалых количествах, а порой лесники докладывали о появлении нежити, но случалось это крайне редко.

Хотя край и отличался изрядной дремучестью, его никогда особо не терзали беды сверхъестественной природы. Люди не ссорились с хозяевами лесов и потому жили настолько тихо, насколько можно жить вблизи чужого, враждебного человеку мира — Дикой земли. Однако то, что творилось в последнее время, заставляло взглянуть на лес по-другому даже тех, чьи семьи жили в приграничье уж десятое поколение.

Волшебники и монахи путешествовали рядом, но не вместе. Быстро шагающие маги вполне поспевали за медленно тащащимся фургоном. Так они двигались от одной деревни к другой по дорогам столь старым и заброшенным, что многие из них порой норовили нырнуть под землю и проявиться лишь через полчаса пути. На удивление часто встречались конные патрули, разъезжающие в глухомани. Солдаты в цветах рода Каберденов и военные из Церковного Караула, проезжая мимо, часто придерживали лошадей, чтобы ответить на вопросы добрых братьев.

Чем южнее они забирались, тем чаще Тобиус примечал заброшенные развалины сторожевых острогов, которые некогда содержали приграничные бароны по всей длине соприкосновения Ривена с Дикой землей. В прежние времена — и когда еще была жива империя, и позже — приграничье было намного дичее и феодалы не могли подходить к делу охраны границ спуская рукава. За это ривенские короли рубили головы беспощадно, ибо на их плечах лежала ответственность за защиту Врат Вестеррайха¹. Настоящих нашествий со стороны Дикой земли не происходило уже давно, многие поколения успели смениться с того дня, как последняя Дикая Ватага выливалась из-за древ на земли людей, так что некоторые оборонительные сооружения неизбежно приходили в упадок по причине невостробованности.

---

¹ Уникальное культурное явление — основа менталитета всего королевства, а также один из боевых кличей, используемых ривенскими войсками. Призывает ривов встать на защиту Вестеррайха от врагов из Дикой земли. В древности звучало как «Врата Грогана».

Заезжая в очередное поселение, благовестники Господни немедленно начинали проповеди. Брат Хорас обходился несколькими молитвами, но брат Ольвех мог говорить часами. Как и многие братья Петра, он походил на человека, одержимого ангельскими голосами, и готов был передавать людям волю Его сутки напролет без отдыха и пищи. Даже то, какими пугающими, проникающими в самую душу глазами он обводил лица простолюдинов, не отпугивало их. Они смотрели на монаха с благоговением, с которым все вилланы смотрят на божиих людей. Только после проповеди, общей молитвы и трапезы в доме самого уважаемого жителя деревни петрианец начинал скрупулезно опрашивать всех подряд, задавая одни и те же вопросы. К несчастью, тех, кто слышал о творящемся в Хайбордане безобразии, было предостаточно, но ни одного очевидца они так и не нашли. За день волшебники и монахи успевали посетить две, в лучшем случае три деревни, дважды посещали замки приграничных баронов, а затем вновь отправлялись по малым поселениям.

Тобиус часто наблюдал за тем, как охотно и почтительно простолюдины общались со священнослужителями. Сам он и его компаньон не могли пожаловаться на худое обращение, но все же именно к монахам люди тянулись по-настоящему.

— А еще говорят, что на западе Церковь слаба. Хм...

— Завидки берут, чар Тобиус?

— Нет.

— Правда?

— Чистая. Вот сейчас деревенский голова с улыбкой кланяется и заискивающе смотрит брату Ольвеху в лицо, а вчера, перед тем как мы легли спать, он точно так же заискивал передо мной. У его дочери на лице постоянно росли бородавки, замучились сводить. Вот и попросил что-нибудь с этой бедой поделаться. И пришел с этим он, заметьте, не к человеку Господа-Кузнеца, а к человеку Искусства. Потому что Господь-Кузнец, при всей милости своей, может просто не захотеть ответить на молитвы. А вот магия сработает сразу, главное — чтобы наградой волшебника не обидеть. — Тобиус подбросил в ладони худой кошель, бренчащий медью. Не то чтобы его озолотили за ту работу, но за очищение лица одной лишь девицы отплатили более чем щедро. — Каждому из нас причитается своя доля человеческого уважения. Только если брату Ольвеху ее отмеряют при свете дня и хлебом, то мне под пологом ночи и звонкой монетой.

Марэн рассмеялся:

— Я выбираю вашу меру, чар Тобиус!

В первый день поиски ничего не дали. Монахи и волшебники объехали две деревни и заглянули на небольшой хутор, переговорили с множеством людей — от углежогов до следопытов, —

выслушали уйму сплетен и слухов и отвергли несколько приглашений остаться на ночь. Нужно было покрыть за день как можно большее расстояние. В течение недели они часто ночевали в поле.

Один раз разбили стоянку над узкой речушкой у основания разрушенной ветряной мельницы. Клирики развели свой костер, а маги устроились отдельно.

С парящим мотыльком над головой Тобиус продолжал работать в своей книге заклинаний. Марэн протирал жезл тряпкой, пропитанной магическим лаком для ухода за артефактами, а его мертвый ворон неподвижно сидел на ближайшем камне.

— Пополняете запасы знаний, чар Тобиус?

— Да, надо кое-что внести...

— А я даже и не помню, когда в последний раз вписывал в свою книгу что-то новое.

— Раньше мне выпала возможность кое-что почерпнуть. Так получилось, что тогда меня обнаружили враги и мне пришлось уносить ноги. Во время погони я потерял драгоценные свитки, но немного запомнил и теперь вписываю по памяти, когда есть время.

— У вас насыщенная жизнь.

— Да?

— Да. Я в своей жизни дрался в настоящих магических поединках лишь дважды. А вы?

Тобиус задумался, подсчитывая в уме все случаи, когда ему пришлось защищаться. По пути из столицы в Хог-Вуд случалось не раз разбираться с мелкими неприятностями: сражения со сверхъестественными существами, духами, монстрами, мелкой нечистью, полноценные бои с другими магами, бои насмерть. А в последние полтора-два года он практически жил в боях за собственное выживание.

— Десятки. Сотни раз, возможно.

Некромант не ожидал такого ответа.

— Где вы жили, чар Тобиус?

— Далеко, — отрывисто произнес серый маг и тут же сменил тему: — У вас прекрасный жезл. Позвольте? Наставники утверждали, что я подавал надежды на ниве артефакторики.

Марэн передал ему свой жезл, и Тобиус принялся рассматривать инструмент пристальным придирчивым взглядом.

— Да, отменная вещь. Форма рукояти художественно выполнена в виде двух переплетающихся змеиных тел, но помимо красоты спиральная форма является наиболее предпочтительной для ускорения и усиления протекающих внутри энергетических процессов. Материал... посеребрена?

— Нет, серебряный сплав с минимальным процентом примесей.

— Самый лучший материал дляковки некромантского инструментария, да. Так, форма жезла и его вес не подходят для рукопашной схватки, а вот камень, зажатый между змеиными головами... он только похож на изумруд. Это слеза василиска, не так ли?

— В точку, чар Тобиус.

— Восхитительный экземпляр! Ни единого изъяна, мощный излучатель, а главное — невероятно редкий! Его ковал Никадим Ювелир?

— Он.

— Мой самый любимый наставник. Свой жезл я ковал вместе с ним, в одной мастерской.

Жезл у Тобиуса был самым обычным, выкованным из зачарованной бронзы, — с витой рукоятью и тяжелым массивным набалдашником, он походил на тяжелую булаву. Ни магических камней, ни каких-то особых надписей, лишь слой позолоты на набалдашнике и двенадцать шипов по его ободку.

— Не раз и не два мне приходилось пускать его в ход как просто тяжеленную дубину. — Серый маг похлопал свой жезл по рукояти. — Ни разу не пожалел.

Марэн забрал свой жезл и повесил на пояс.

— А ваши спутники, чар Тобиус, кто они? Я не чувствую в них, так сказать, искры жизни.

— Рукотворные слуги. Самые надежные.

— Совершенно с вами согласен.

Дни сменяли один другой, волшебники и монахи бродили по лесным дорогам, изредка углублялись в чашу, спрашивали редких путников, которым пришлось свернуть с широких дорог и углубиться в дебри.

Один раз фургон застрял на илистом берегу речки, и сколько бы могучий брат Хорас ни толкал его сзади, достать повозку не получалось. На предложение помочь брат Ольвех отвечал учтивым отказом. Тогда Тобиус напомнил петрианцу о том, что в Слове Кузнеца говорится про гордыню и тех, кто поддается ей. Монах, подумав немного, принял предложение и отошел в сторону — никак каяться перед Господом, пока другие работают. С помощью телекинеза Тобиус один поднял невысоко в воздух и фургон, и лошадей, перенес на более твердую землю и аккуратно поставил.

— Вы неплохо владеете мыслесилой, чар Тобиус.

— Тренировался на мельничных жерновах.

Волшебники немного опередили своих спутников и шли по пологому холму в стороне от дороги.

— Вы знаете, что внутри маговозки невозможно творить заклинания, чар Марэн?

— Странный вопрос. Все маги об этом знают. — Некромант посмотрел на ползущий внизу фургон и нервно дернул щекой.

— Но снаружи это возможно. Фургон не распространяет вокруг себя антимагического поля.

— Ваши соображения?

— Церковь оснащает маговозки материалами, мешающими свободному потоку астральных сил. Керберитом¹, скорее всего, — он не дает подавляющего излучения. Конечно, можно было бы предположить, что отрицательное воздействие на магию имеют не материалы, а церковные благословения, наложенные на фургон, но в таком случае приближение маговозки было бы видно всем носителям магии на пять лиг² округ. Она бы пылала для нас святостью, как погибающий феникс в ночи, и все нечистые нутром колдуны успевали бы спрятаться в своих логовах.

— Вполне. Но как вам помогут эти наблюдения?

— Выводы, чар Марэн, надо уметь делать выводы. Вы когда-нибудь слышали о месторождениях керберита в Вестеррайхе?

— Никогда. Всем известно, что его добывают гномы в недрах Драконьего Хребта.

— Да, там, где его залежи богаты, как и анамкаровые³ жилы. И я слышал, еще богатые залежи есть на островах Аримеады. Но в Вестеррайхе керберит и анамкар идут дороже золота. Гномы и сами высоко их ценят — мало того что материалы очень прочные, так керберит еще и повышает их природную иммунность к волшебству. Даже Церковь не располагает такими ресурсами, чтобы закупать керберит на все свои нужды.

Некромант некоторое время производил в уме вычисления.

— Чар Тобиус, вы пришли к мысли о существовании керберитовых шахт в распоряжении Святого Престола после того, как помогли монахам вытащить их фургон из реки? У вас удивительное воображение.

— Мои домыслы и лута ломаного не стоят, хотя я не стану о них забывать. Идемте скорее, добрые братья порядком нас опередили.

Утро шестого дня выдалось тяжелым. Волшебники порядком вымотались в дороге, а то, что отмеренный им срок стремительно подходил к концу, тоже не поднимало боевого духа.

---

¹ Металл, обладающий свойствами лишать волшебников магического дара при соприкосновении с телом.

² Мера длины. Гроганская лига (устаревшая) — 1208 шагов; вестеррайхская лига — 974 шага.

³ А н а м к а р — особая порода камней, внешне похожих на мрамор. Эти камни распространяют вокруг себя ауру, подавляющую ток магической энергии.

— Многие бы отдал за хорошего нетопыря, — сказал Марэн Тобиусу, пока серый маг умывался. — Годы сидения в уюте и спокойствии сделали меня мягче. А вы не устали?

Тобиус не стал говорить, что это просто приятная прогулка по сравнению с тем, как ему приходилось скакать по вековому лесу, прячась от десятков видов плотоядных животных, обожженных духов и кровожадных дикарей.

Время близилось к полудню, и все шло по уже набившему оскомину порядку — монахи ехали на своем проклятом фургоне, выбирая путь и следующую деревню, маги двигались поодаль, перебрасываясь словами. Забияка и Жнец следовали за хозяином молча и неотступно.

— Я нашел, — прошептал Марэн, внезапно встав на месте, — я нашел!

Петрианец привстал на козлах и повернулся к некроманту.

— Тело женщины на лесной тропе... — Марэн слепо смотрел в одну точку. — Сейчас подлечу поближе... да, это оно! Четыре часа ходу отсюда! Несчастную выпотрошили...

Он указал на юго-запад, прямо на лесную опушку.

— На фургоне не проедете, нужно спешиваться.

— Мы распряжем лошадей. Брат Хорас, займитесь, пожалуйста. Чар Марэн, вы видите убийцу?

— Там никого больше нет, только труп!

— Полагаю, — вмешался Тобиус, — мне следует полететь туда немедленно! Чар Марэн, сможете передать образ?

Некромант коснулся виска Тобиуса, и тот поморщился от представшего перед ним зрелища. Вместе с этим серый маг получил все необходимые ориентиры, чтобы добраться до места.

— Я буду ждать вас там! Поторопитесь! Забияка, Жнец, идите за чаром Марэном!

Он слегка присел и, оттолкнувшись, взмыл в воздух. Полет над густым лесом занял от силы десять минут — пришлось все же немного поплутать, вспугивая стаи мелких пичуг. Деревья, словно сговорившись о недобром, нависали над нужным местом и скрывали его своими кронами, так что Тобиус мог бы просто пролететь мимо, если бы не знал, куда надо смотреть.

Стараясь не зацепиться плащом за ветки, серый маг спустился на тонкую, едва заметную тропинку, петлявшую меж корней лесных великанов. Он посмотрел на тело издали, вдохнул влажный и живой воздух леса и решительно направился к жертве. При этом Тобиус крепко сжимал в руке жезл и следил за окрестностью Истинным Зрением. Нигде не обнаруживалось и следа магии. Волшебник присел на корточки и внимательно осмотрел тело, затем применил на себя заклинание Эльфские Стопы и прошелся по тропе в обе стороны, отдалившись от места на не-

сколько сотен шагов¹. Лес притих, его голоса стали настороженнее: звери чуяли опасность, разливавшуюся по воздуху вместе с запахом крови. Запах этот мог скоро привлечь медведей, волков или кого похуже.

— Вы скоро? — обратился маг к ворону, неподвижно сидящему на ветке ясеня.

Мертвая птица медленно кивнула.

К тому времени, когда в лесу послышался звук ударяющих о землю копыт, серый маг уже закончил проводить все ритуалы и сидел в тени старого платана. Двое его спутников, мчавшиеся за лошадьми на собственных ногах, резко остановились возле хозяина, обдав его пыльным ветерком. Некромант спрыгнул с седла, которое делил с братом Хорасом, и подошел к телу. Он попросил носителей Господней чистоты не приближаться пока и принялся изучать останки, вода над ними рукой, шепча нужные слова.

— Судя по одежде, это обычная деревенская простолюдинка, — негромко бормотал Тобиус, пока Марэн проводил свои ритуалы. — Видимо, она собирала хворост и грибы — вон там валяется вязанка хвороста. Она шла утром, земля еще была мягкой от первой росы, и ее следы хорошо сохранились. Они тянутся с юга на север, следовательно, если на юге нет поселений, она уже возвращалась домой.

— Вы трогали тело, чар Тобиус? — спросил некромант.

— Не стал.

— Это хорошо. — Марэн сунул руку под затылок женщины, приподнял тело и вынул из-под него корзинку, маленькую и сломанную. Затем некромант сорвал с шерстяного платья пару лепестков и громко втянул воздух над длинным и ровным разрезом от горла до пупа. Со стороны это выглядело мерзко.

Монахи не могли сидеть сложа руки и следить за манипуляциями некроманта, они разошлись в разные стороны и принялись трещать ветками где-то за деревьями, видимо что-то разыскивая. Вскоре добрые братья вернулись на тропу несолоно хлебавши — Ольвех решил пройти по краю тропки, чтобы не оставлять лишних следов, а Хорас последовал за ним.

— Никого и ничего, — произнес маленький монах, — найти нам, к сожалению, не удалось.

— Тогда перейдем к моему заключению. — Некромант поднялся на ноги, продолжая сжимать в руках корзинку. — Эту женщину убил колдун.

---

¹ Шаг — старая, но все еще используемая гроганская мера измерения длины, составляет 80 сантиметров.

— Неожиданная солидарность, — произнес брат Ольвех безразлично.

— И этот колдун не чар Марэн, — встрял Тобиус. — Она умерла несколько часов назад, когда и он, и я были рядом с вами.

— Возможно, что он невиновен, — все так же согласился петрианец, — а возможно, у него есть поделщик. Время покажет. Время и дознание.

Полностью игнорируя серого мага, монах посмотрел на некроманта.

— Ее убил колдун, — продолжил тот. — Возможно, некромант, но не обязательно. Она шла с юга на север, неся с собой хворост и немного свежих грибов. Видимо, возвращалась домой — ближайшее поселение к югу отсюда находится в трех днях пути, но на северо-западе есть почти вымерший хутор, до которого меньше часа пешком. Надо сказать, что женщина эта, да простит меня Господь, была дурой. Она вышла из дома одна и отправилась в лес. Это при том, что здесь места практически дикие и местные люди обязаны блюсти осторожность. Волки после зимы только-только начинают отъедаться, а кроме них есть еще более пятнадцати видов мелкой нечисти, которая всегда готова поохотиться на человека.

— Как вы узнали, что это был колдун?

— Это просто. Чар Тобиус, на тропе есть иные следы, кроме следов жертвы и, возможно, ваших?

— Не нашел.

— Видите ли, брат Ольвех, перед смертью несчастную оглушили ударом по затылку. После этого ее заживо выпотрошили. Дело рук человека, не зверя. Разрез ровный, рука, сделавшая его, набита, можете мне поверить. Затем органы были извлечены и разложены в соответствии с порядком их расположения в теле по вертикальной линии. Некоторые отсутствуют — думаю, убийца счел их пригодными для своих целей. При этом он не оставил следов. Не суть важно, что он сделал, прилетел и напал сверху или укутался в иллюзию незримости и зачаровал сапоги, чтобы не оставлять следов, — факт в том, что он владеет Даром. Ну или он лонтильский эльф. Эти твари в лесу незримы и неслышимы, не оставляют следов, могут идти в шаг от человека, и он не узнает этого, пока нож зеленой стали не войдет под ребра... Простите, я отвлекся. В довершение всего убийца забрал ребенка.

Некромант указал на корзинку.

— Почему вы решили...

— Я чую запах ребенка.

Брат Хорас поджал губы и нахмурился, брат Ольвех словно бы пропустил столь опрометчивые слова мимо ушей, но это было обманчивое впечатление.

— Вы действительно не чувствуете запаха грязных пеленок, брата? — Некромант мрачно ухмыльнулся и выбросил наконец злосчастную корзинку. — Если вы оставите нас с чаром Тобиусом, мы подумаем, как помочь делу.

Волшебники склонились над телом, монахи некоторое время не двигались с места, следя за их действиями, но все же вскоре удалились.

— Я не обратил внимания, — прошептал Тобиус, — ребенок... Вы уверены, что он не погиб?

— Не уверен. Но я могу поклясться, что он не умер здесь. Это точно.

— Как вы...

— Кровь детей пахнет совсем иначе, нежели кровь взрослых людей. Особенно кровь младенцев.

По спине Тобиуса пробежали мурашки.

— Нам мог бы помочь гримм. Если брат Ольвех и за эту малость не потащит нас на костер.

— Очень интересно, а вы умеете вызывать гримма, Чар Тобиус?

— Я-то нет, но я думал, что вы.... У вас нет ингредиентов?

Некромант улыбнулся без слов, продолжая внимательно рассматривать искалеченный труп.

— Ингредиенты можно раздобыть. Подумаешь, клочок шерсти и пара костей бешеной собаки. Достать такое просто. А вот справиться с заклятым заклинанием¹ — нет.

— Оу.

— Да, чар Тобиус, призыв гримма — это для меня сложновато. Один раз я смог его осуществить, но проклятая тварь едва не растерзала меня. А жаль, это могло бы нам сильно помочь.

Некоторые колдуны и некроманты могли призывать в Мир Павшего Дракона гримма, духа бешеного пса, который отлично шел по следу, да и не только. Обычно некроманты создавали этих тварей и пускали вдогонку за беглецами, а находя несчастных, гриммы набрасывались на свою добычу с безудержным желанием убить ее. Весьма опасные и сильные, они верно служили лишь колдунам с сильной волей, что странно, ибо нежити присуща покорность — даже дикий беспокойник не станет нападать на некроманта. Немало молодых повелителей мертвечины расстались с жизнью, призвав гримма на свою голову.

— Полагаете, если я предложу им провести ритуал призыва ее души, они сразу меня убьют?

---

¹ Заклинание, которое волшебник не способен изучить, или способен, но с большим трудом, каким бы простым оно ни являлось. Каждому волшебнику заклятые заклинания выпадают спонтанно.

— Скорее всего, брат Хорас опередит нас обоих и применит то, что прячет под плащом, раньше, чем мы поднимем жезлы... А скажите-ка, вы знакомы с магией Крови?

— Никогда не пытался.

— Я тоже, — признался Тобиус, — но однажды я набрел на гробницу в глуби леса. И когда ее обитатель окончательно упокоился благодаря мне, я нашел несколько деревянных табличек. Успел переписать их содержимое, пока не рассыпались в труху. Думаю, ритуал не особо сложен, однако мне на самом деле не справиться в одиночку.

Тобиус достал свою книгу заклинаний, довольно объемистый фолиант, схваченный в бронзовом переплете с силуэтом летящего мотылька на лицевой стороне.

— Мне кажется, что это не столько...

Шум листвы, потревоженной ветром, заставил серого мага замолчать. Ему показалось, что кто-то смотрит на него.

— Можно? — спросил некромант осторожно, выводя Тобиуса из оцепенения.

— ...Да, смотрите.

Марэн с большим почтением принял книгу. Его поведение было закономерным: ведь для мага книга заклинаний — это священное сокровище, кладовая знаний и источник могущества. Дотронуться до чужой книги или заглянуть в нее без спроса значило бы спровоцировать хозяина на самые жесткие ответные меры.

— Интересно...

— Я еще не пробовал — к счастью, не было повода. А теперь, когда у нас нет особого выбора... гримма мы призвать не можем, и никаких законных способов выследить убийцу у нас не осталось. Есть только это — ритуал кровавой магии на уровне деревенского ведьмовства. Братья не похвалят, но это самый удобный выход из положения.

— Вы будете очерчивать тело, а я соберу ее кровь.

— Начнем.

Некромант достал из своей сумки серебряный кубок и нацедил в него крови убитой женщины. Тобиус же достал свой ритуальный нож и начал очерчивать труп магическим рисунком. В отличие от чертежей, обычных для школы цивилизованной магии, те линии были неопрятны, прерывисты, дики.

— Что вы делаете? — спросил брат Ольвех, неслышно приблизившийся из-за спины.

— Создаем кровяника, — ответил некромант.

— Мне неизвестно такое заклинание.

— Значит, оно не запрещено, — осторожно продолжил Марэн. — Нам даже и в голову не пришло тревожить душу этой не-

счастливой женщины. Это же совершенно недопустимо, верно? Поэтому мы решили создать малюсенького безымянного духа с телом из крови. Кровяник движим одним-единственным желанием — вырасти. Но сделать это он может, лишь найдя больше крови, из которой сделан. Сейчас я составляю его сущность, а чар Тобиус закрывает изначальный источник крови от будущего существа. Он не увидит тела и не почувствует его крови, а значит, ринется к ближайшей капле крови, которая существует. Все равно где она — хоть на другом краю света. Если убийца унес на себе хоть немного крови жертвы, кровяник последует за ним куда угодно.

— Мерзкое колдовство.

— Из двух грехов надо выбирать меньший.

— А лучше вовсе не грешить и чаще молиться.

— Если молитва посреди лесной глуши над выпотрошенным телом поможет нам отыскать убийцу, то уши мои открыты, и я внимаю, — резко произнес Тобиус. — Вы хотите отыскать малефикарума¹ или нет, брат Ольвех? Если предложите свое решение, мы прекратим все это и последуем за вами.

Монах молчал. Он был профессиональным магоборцем, большую часть жизни его учили находить следы и идти по ним за адептами темных искусств, замыслившими недоброе. Но в этот раз чутье охотника на ведьм подвело: сколь бы тщательно монах ни искал след преступника, тот ускользал от него.

Тем временем волшебники продолжали работать. Марэн списал из книги Тобиуса текст, а затем они оба встали над телом несчастливой женщины. Тобиус держал в правой руке жезл, в левой — книгу, а Марэн держал в левой кубок и жезл в правой.

Аута эрмамбас, сувелаш кудари квер.

Аута алмидаш, сувелаш таццари арн.

Аута крудовил, сувелаш изрдед финг.

Аута цкакивар, сувените рабита инт.

Они повторяли эти строки раз за разом, проговаривая каждое слово в унисон. Нарисованные на земле линии слабо светились, а кровь в кубке мало-помалу начинала бурлить. Она оставалась холодной, не кипела, не исходила паром, но дергалась и булькала, будто извивалась в корчах.

— Беквим тальвимат!

— Беквим фегатар!

Кровь в кубке сильно вспенилась, и Марэн выронил его, но

---

¹ Церковный термин, обозначающий колдуна, чернокнижника, еретика или ведьму, практикующих темную магию.

содержимое не вылилось, а выкатилось наружу, как подвижный и упругий шарик ртути. Будто принохиваясь, он дернулся в одну сторону, в другую, пополз к трупам, но наткнулся на барьер из ломаных линий и двинулся в другом направлении.

— Сработало, — прошептал серый маг, заворуженно глядя на дело рук своих. — Еще одно заклинание в моей копилке.

— Чар Тобиус, он должен так медленно передвигаться?

— Откуда мне знать...

Кровяник полз по земле медленно, но уверенно.

— Думаю, он взял след.

— Сомневаюсь. С такой скоростью мы не найдем малефика-
рума и до завтрашнего утра.

— Поправимо! Забияка, ко мне!

Один из спутников Тобиуса приблизился. Маг расстегнул фибулу его плаща и откинул капюшон. Взорам наблюдателей предстала полусферическая деревянная голова с намалеванными на ней глазами и улыбающимся ртом.

— Это один из моих марионеточных големов, Забияка. Как вы можете видеть, под его руку лучше не попадать.

Вместо кистей на деревянных предплечьях тускло поблескивали литые железные шары. Тобиус аккуратно поднял с земли кровяника и, зачитывая магическую формулу из области артефакторики, разрисовал им деревянный корпус голема.

— А теперь бегом! — крикнул волшебник, застегнув плащ обратно.

Голем развернулся и ринулся прочь со скоростью, не всякому всаднику доступной.

— Чар Марэн, цепляйтесь! Братья, не отставайте! Жнец, за мной!

Началась погоня, трудная и длинная. Забияка, соединенный с кровяником посредством артефактного заклинания, устремился к ближайшему источнику крови. Дороги он не разбирал, шел напрямик, через бурелом, огибая лишь деревья, перепрыгивая ручьи, прыгая в овраги. Монахи быстро отстали, ибо лошадь в лесу без троп и дорог не столько подмога, сколько обуза. Тобиус же вцепился взглядом в свое творение и неотступно следовал за ним, избегая ударов о толстые ветки лишь чудом.

Голем пронесся по краю обрывистого берега над особенно широкой речкой, сиганул вниз, кое-как перебрался на другой берег и вломился в заросли боярышника.

— Он ...ется к скаль...й гря... — прокричал некромант, звуки чьего голоса воровал ветер.

— Вижу!

Голем бежал к скалам, наметившимся вдалеке, и Тобиус вы-
сматривал его до тех пор, пока тот окончательно не пропал меж

каменистых склонов. Волшебники спустились на густой лиственный ковер среди замшелых древних глыб, на которых росли под странными углами небольшие деревца. Тобиус нащупал едва различимый след своей магии, оставленный големом, и стал карабкаться по извилистой узкой колее, которую проточил в скале ручеек. Карабкаться было трудно, пару раз он почти застревал, но сильное гибкое тело, прошедшее через направленные мутации, всякий раз подобающе изворачивалось и протискивалось в каменные трещины. Так Тобиус добрался до пещеры, совсем маленького провала в теле скалы, уводящего вглубь. Со всех сторон на него давил камень, только сверху сквозь щель проникал слабый свет, а под ногами тек тонкий ручеек.

— Чар Тобиус!

— Я здесь, не шумите.

Некромант протиснулся к серому магу, сразу за ним держался Жнец, стучавший о камни, как трещотка.

— Подумать только. Мы нашли!

— Я не чувствую никакого присутствия чужой магической силы.

— Я тоже, но что еще это может быть? Вы слышите стук?

— Это внутри. Кто-то должен подождать монахов.

— Они могут чувствовать нас так же, как мы чувствуем их, так что не заблудятся.

Кивнув друг другу, волшебники кое-как извернулись в тесноте, достали магические жезлы и стали медленно спускаться в провал. Тобиус наложил на себя Енотовые Глаза, некромант предпочел Могильное Зрение. Под воздействием чар темнота рассеялась, стал виден каждый уступ, каждая неровность, каждая паутинка, но при этом мир потерял большую часть цветов. Маги спускались все ниже, пригибались, чтобы не задеть потолок, а стук становился громче. Каменная кишка изогнулась трижды, прежде чем они попали в небольшое расширение, искусственную полость внутри скалы. В крошечной темноте Забияка стучал всем корпусом в одну из неровно обтесанных стен. Голем набрасывался на нее, отскакивал на полшага и вновь набрасывался.

— Прекрати, — приказал Тобиус, и кукла замерла.

— Похоже на отшельничий скит, не находите?

— Никогда не бывал в отшельничьем ските. О, тут истлевшая лежанка, не наступите.

Каменный мешок действительно походил на жилую комнату. Некогда жилую. На полу имелась лежанка, а камень у стены мог быть использован как стол. На нем даже лежало несколько полуистлевших гусиных перьев, заточенных для письма. Никаких признаков чужой магии.

— Это не жилище волшебника, это какая-то дыра в земле, — пробормотал Марэн.

— Либо это все-таки жилище волшебника, но очень искусно защищенное. Держите глаз остро.

Тобиус отодвинул голема в сторону и куском угля из своей сумки расчертил на стене магический круг. Заклинание Взор Кутруба позволяло «смотреть» сквозь камень и землю. Недостаток его состоял в том, что заклинание работало, лишь будучи нанесенным на соответствующую поверхность. Прочитав нужные слова, Тобиус положил руку на линии и, прикрыв глаза, улыбнулся.

— Похоже, от дознавателей Инвестирации мы себя спасли. Наблюдаю обширные пустоты за преградой буквально двух футов толщины. Тайный ход.

— Не чувствую запирающих чар.

— А их и нет, чар Марэн. Все механическое. Рычаг на высоте полного роста с вытянутой рукой. Видите вон то углубление?

Некромант сунул в углубление пальцы, и раздался шелчок. Через мгновение часть стены плавно отъехала внутрь. Маги глубоко вдохнули вырвавшийся из прохода воздух и почувствовали запах, удивительно не подходящий затхлой пещере, потерянной в лесу, — запах аптекарской лавки. Они поняли, что, скорее всего, увидят внизу лабораторию, полную магических и алхимических ингредиентов. Порошки и смеси, сухие травы, мхи, соли, истолченные минералы, многообразные реактивы, душистые и едва пахнущие вещества.

Приказав обоим големам двигаться следом, Тобиус первым ступил на вырубленную в скале винтовую лестницу, которая широкими кругами уводила вниз. После сороковой ступени на каменных стенах начали появляться тусклые блики света, а волшебники продолжали спускаться медленно, очень осторожно. Тобиус искренне опасался каждого шага — ведь если нашелся механизм для открывания потайных дверей, то почему бы не найти механизм, мечущему стрелы или огненные струи при давлении на какую-нибудь ступеньку?

Маги спустились в высокий круглый зал.

— Нашли все же, — свистящим шепотом выдохнул Марэн. — Невероятно.

Они замерли, внимательно изучая обстановку. Вдоль стен зала тянулись металлические цилиндры разных размеров, соединенные сетью труб. Имелись столы, заставленные всевозможной алхимической утварью, от котлов до сложных перегонных кубов; стеллажи с книгами и полки со склянками, мешочками и коробочками. На полу были вырезаны магические круги разного размера и уровня сложности.

Не найдя остатков магической энергии, Тобиус рассеял Енотвые Глаза и сотворил Истинное Зрение. Однако результат был тем же — никакого магического присутствия. По всему, оказалось, что они обнаружили лабораторию волшебника, в которой не нашлось места волшебству.

— Это абсурд. Здесь должно быть хоть что-то.

— Все экранировано, чар Тобиус, работа волшебника ранга магистра, не ниже.

Обоим магам на ум пришла одна и та же мысль, и они стали опасаться за целостность своих шкур больше прежнего. Доселе они охотились на опасного малефикарума, но теперь возникла вероятность встречи с волшебником уровня магистра или того хуже — архимага, чего не хотелось ни тому ни другому.

Жестом заставив големов остановиться на лестнице, Тобиус перехватил поудобнее жезл и пошел вперед. Стоило ему сделать два шага, как волна накатившей магической силы ударила по голове, и всеми доступными чувствами волшебник ощутил тяжелую гнетущую ауру того места.

— Это правда, чар Марэн, экран сдерживает излучение, и оно накапливается... ну и мерзость же здесь творилась!

Тобиус знал предназначение металлических цилиндров, жавшихся к стенам. Камеры созревания — инкубаторы для существ, которых выращивают витамаги и анимаги. Чертежи на полу не были знакомы, наборы ингредиентов, оставленные возле котла, — тоже; что готовилось в перегонных кубах, серый маг опять же знать не мог, однако он уверился, что они с Марэном попали не в лабораторию алхимика. Любой алхимик нашел бы в своем обиталище место для атанора, а местный хозяин не уделит этому внимания.

— Все экранировано по высшему разряду.

Осторожно ступая, Тобиус прошел мимо инкубаторов, заглядывая внутрь сквозь стеклянные окошки в герметично запертых дверях. Зеленоватая муть питательного раствора скрывала содержимое, но в седьмой камере к окошку прислонилось нечто очень отталкивающее, какая-то безглазая тварь с широким рыбьим ртом и омерзительной мордой. Были заметны широченные прорезы жабр и редкие, но острые зубы. Тобиус не устоял и стукнул в стекло — уродец немедленно отшатнулся.

— Меня терзают смутные сомнения: кажется, внутри люди. Или то, что было людьми.

— Смертная казнь без права на обжалование приговора полагается за подобные эксперименты над людьми. — Некромант тоже рискнул зайти за край барьера и окунуться в душную атмосферу кошмара, оставленную творившимся там колдовством. Его темная фигура медленно скользила меж столов, а То-

биус поймал себя на мысли, что старается не выпускать Марэна из поля зрения. Врожденная подозрительность магов заставляла его подозревать... — Тут еще одна дверь.

Марэн дернул за железный крюк в стене, и в ней открылся проход. В лабораторию ворвался холодный воздух, сопровождаемый запахом разлагающейся органики. Пламя на масляных плафонах, вставленных в стены, вздрогнуло, но не потухло. Тобиус занял оборонительную позицию у двери, а Марэн проскользнул внутрь — если откуда-то тянет мертвечиной, то пусть с этим разбирается некромант, ему и виднее, и привычнее.

— Что там? — спросил серый маг через время.

Ответ пришел не сразу.

— Разделочные столы. Цепи и крюки. Часть тел звериного происхождения, но в основном человеческий материал. Органы в отдельных емкостях. Кажется, я нашел последнюю пропажу — эти органы самые свежие. В общей сложности около трех десятков тел. Очень большой запас, очень большая кладовая...

— Ледяной склеп для хранения трупов.

— Именно, чар Тобиус. И им постоянно пользуются. Концентраторы холода вплетены в стены, целые тела разложены в напольных нишах и на свободных участках стен, на столах лежат уже разрубленные тушки.

«Тушки», подумалось Тобиусу, «материал», «запас». Всего лишь профессиональный язык, но как же режет слух.

Некромант вышел из ужасной кладовой в каком-то даже приподнятом расположении духа.

— Вижу, вы начали без меня, — послышалось сверху.

Волшебники вскинули жезлы, но это оказался только брат Ольвех, спускающийся по лестнице.

— Вы испугали нас, — хрипловато признался Тобиус.

— Это часть моей работы. — Монах осмотрел лабораторию и уставился немигающим взглядом куда-то в узел распределения питательного раствора по инкубаторам. — Это моя работа — пугать волшебников...

— Здесь никого нет. Несомненно, это логово малефикарума, охотящегося на людей, но самого колдуна мы не застали...

— А этой твари вы решили не замечать, чар Тобиус?

Маги немедленно встали в боевые стойки. В тот же момент густая тень, притаившаяся среди переплетения труб, метнулась вперед. Она легко избежала трех Огненных Стрел, выпущенных Тобиусом, распахнула черные крылья и взмыла кверху лестницы. Марэн с криком метнул вдогонку Зардгацу — сгусток страшно визжащего зеленого света, разбрасывающийся смертоносными протуберанцами в полете. Темная тварь даже не дрогнула, когда некротический снаряд поразил ее. Однако раздалось

громогласное, как бой соборного колокола, *Слово*, и будто невидимая скала припечатала летуна к ступеням. Тобиус и Марэн произвольно вскрикнули, из носа некроманта хлынула кровь. Брат Ольвех держал в руках тяжелый том Слова Кузнеца и продолжал читать, и глаза его полыхали ослепительно-ярким светом.

Припечатанная тварь трансформировалась, приняв очертания толстой змеи.

— Забияка! Жнец! Сбросьте это!

Послушные големы ринулись в бой, быстрые и совершенно бесстрашные. Забияка заработал железными кулаками, а его парник вонзил в черное зыбкое тело когти-серпы. Возможно, змей победил бы магических болванов, если бы мощь читаемых молитв не ожигала его как жар гномского горна. Вдвоем големы скинули тварь с лестницы, и она шмякнулась об пол, попутно повалив один из лабораторных столов и расплескав вокруг смолянистые черные брызги. Големы упали следом — им тоже досталось священной благодати, развеивающей магию.

Тобиус с криком метнул Спиральное Лезвие, но тело твари просто растеклось под атакой, не получив повреждений. Черной лужей она отползла к двери в мертвецкую кладовую. Следующие несколько атак разбились о поставленный Щит Кудулы, самое часто используемое защитное заклинание.

Пользуясь полученным временем, черная субстанция быстро вытянулась и оформилась, приобретая человеческие очертания. Колдун продемонстрировал отменную способность к метаморфизму. Это был мужчина, одетый в тибоникийский дорожный плащ — длиннополое одеяние из кожи с высоким воротником. В поднятом положении тот воротник закрывал нижнюю часть лица и напоминал раздвоенный змеиный язык. Глаза колдуна горели зеленым огнем, а на шее поверх плаща висел золотой медальон, усеянный драгоценными камнями, похожий по форме на стрельчатое окно, убранный ярким витражом. Завершив метаморфозу, малефикарум вскинул руки и разразился настоящим шквалом атакующих заклинаний. Большая часть мебели опрокинулась, три инкубатора взорвались, расплескивая вонючую жижу, а Тобиусу и Марэну пришлось броситься в первые же подвернувшиеся убежища. Брату Ольвеху было легче: большинство заклинаний таяло или просто изменяло направление удара, попадая в ореол его святой благодати.

Големы, едва оправившиеся от ослабившей их структуру молитвы, уже было бросились врукопашную, но воля хозяина, словно марионеток на нитках, потянула их назад. Жнец чуть не попал под Топор Шааба, что превратило бы его в головню, а Забияка избежал Усталости Дерева и не стал трухой до срока.

Тобиус и Марэн отвечали по возможности, их заклинания то и дело вносили небольшие аккорды в мелодию воя, свиста и рева, наполнившую сравнительно небольшое помещение, однако основную симфонию исполняли заклинания колдуна.

— Эта тварь настоящий боевой маг! — зачем-то заорал Тобиус, словно кто-то еще этого не понял.

Серый волшебник укрылся за письменным столом, ему на голову упала тяжелая чернильница, так что по лицу текла смесь крови и чернил, вокруг валялся ворох пергаментов и бумажных листков. Воздев свой Щит Кудулы, молодой маг вскочил и начал разряжать в противника боевые заклинания. Сначала Железный Вихрь, затем Молот Пустынного Песка. От первого колдун защитился щитом, навстречу второму метнул Водяной Шар, контратаковал Черным Прессом. Это заклинание Щит Кудулы упустил, и Тобиус на несколько мгновений ощутил страшную тяжесть, рухнувшую на его плечи. Коротко застонав, он выплюнул обратную формулу и поспешил броситься на пол, потому что Щит Кудулы лопнул, а голову мага чуть не отсек Воющий Клинок.

Марэн затих, он прятался за поваленным книжным стеллажом и атаковал все реже, пока совсем не прекратил. Тобиус не мог его видеть, но зато он видел, как брат Ольвех громко читывал литании Гнева, на глазах ослабляющие вражеский напор. Пользуясь минутной передышкой, Тобиус стал наговаривать боевые заклинания, пополняя боезапас. При этом он шарил по вороху бумаг, хватая, комкая и пихая в свою сумку все, что под руку попадет. Волшебник и сам не смог бы ответить, почему под шквалом смертоносных заклинаний он вдруг начал это делать, — просто чувствовал, что, если выживет, нужно будет еще как следует разобраться в обстоятельствах.

Раздался громкий вскрик — какая-то из литаний прорвалась сквозь мощный щит и, видимо, задела колдуна. Улучив момент, Тобиус вскочил, перемахнул через стол и направил жезл в его сторону. Бесшумно метнулось на врага Испепеление, затем сразу пятерка Ледяных Шаров, взрывающихся градом осколков при ударе, затем огромной силы Топор Шааба, от которого в лаборатории воцарился нестерпимый жар, и вдогонку — извивающийся ослепительный змей Молнии. Раненый колдун лишь слегка смутился, но не дрогнул, в ответ ударили три Призрачных Копья одно за другим. Отразив их, Тобиус со страшным криком метнул из левой кисти Световую Иглу, создал мощный Толчок и швырнул на врага перегонный куб телекинетическим ударом. Куб превратился в тысячи стеклянных осколков, покромсавших одежду и тело малефикарума, Игла впилась колдуну в район печени, а Толчок припечатал к стенке. Малефикарум

истекал кровью, однако продолжал стоять на ногах, зажимая обугленную рану от Световой Иглы.

Скрытый воротником рот его издавал глухие хрипы, но он смог восстановить Щит Кудулы и отбивал им новые боевые заклинания. Становилось видно, что внезапная напористая атака оказалась успешной, и Тобиус не сбавлял темпа. В его арсенале было немало способов уничтожить человека, однажды он в одиночку одолел настоящего магистра, а потом еще долго носился по дикому краю, спасаясь от самых разных соискателей человеческой плоти.

Колдун перестал отвечать на атаки и ушел в глухую оборону. Однако он и не бездействовал — вокруг малефикарума клубились потоки темной силы, а кровь из его ран окрашивалась в черный цвет, превращаясь в какое-то подобие смолы. Падая под ноги, капли этой дряни превращались в крупных черных змей и буквально десятками ползли к незванным гостям. В том, что это не иллюзия, Тобиус убедился, как только одна из тварей вцепилась в его сапог, едва не добравшись до кожи длинными жалами. Оторвав животное, он выкрикнул слово, пробудившее заклинание Крематорий, и две трети зала немедленно потонули в огненном пруду, испепелившем большую часть змей. Те, что поползли к брату Ольвеху, растеклись мерзкой слизью, даже не добравшись до обутых в сандалии ступней.

С удвоенной силой Тобиус бросился в атаку, притом немало опасаясь, что святое *Слово* припечет и его седалище тоже. Гнев Господа-Кузнеца в отношении носителей Дара всегда был слеп, когда его использовали клирики. Этой очищающей силе все равно, какого мага жечь — целителя или колдуна.

Заставив щит малефикарума разлететься от удара усиленного Огненного Шара, серый волшебник атаковал Прочными Путиами, но те были мгновенно уничтожены кислотным контрзаклинанием, а колдун схватился за свой медальон и издал такой громкий вопль, что Тобиуса отшвырнуло прочь звуковой волной и даже оглушило.

В ушах стоял омерзительный протяжный писк, глаза почти ослепли и болели от разрыва капилляров, а когда молодой волшебник смог хоть немного прийти в себя, он увидел, как из ледяного склепа рвутся беспокойники. Оживив мертвецов, колдун в облике громадного скорпиона уже вскарабкался по стене и перепрыгнул на лестницу. Не слыша сам себя, Тобиус закричал и ринулся было вперед, когда справа метнулась фигура Марэна. Обойдя монаха, на которого насели бледные очоченевшие трупы, некромант взлетел по ступенькам и вскинул жезл. Из зеленого камня выметнулось какое-то серое дымчатое лассо, которое захлестнуло хвост скорпиона. Тобиус ожидал, что враг про-

сто изменит вид, но этого не происходило. Скорпион пытался ползти дальше, вырваться, но не мог, а тем временем некромант поднимался все выше и выше, он не сводил с твари глаз, его бледные губы непрестанно шевелились, глаза горели мертвящим пламенем, пляшущим на курганах.

В этот момент петрианец, которого облепили мертвецы, решил, что времени церемониться не осталось; дабы не быть разорванным на части, он вскинул руки и широко распахнул рот — ударная волна святости опустилась на голову Тобиуса кузнечным молотом. Некроманта, который был к Ольвеху гораздо ближе, просто швырнуло на ступени, дымчатое лассо растаяло. Колдун же, хоть и получил изрядную порцию церковной благодати, оправился первым, являя чудеса выносливости. Он перетек в форму громадного черного гамадриада и распахнул пасть, когда Марэн только-только пытался встать. Тобиус, едва поднявшийся на четвереньки, видел, как из пасти кобры градом летят сверкающие иглы — за несколько мгновений лицо и грудь некроманта превратились в жутко развороченную портняжную подушечку.

Серый маг бросился на помощь Марэну, но тело того уже катилось кубарем с лестницы, жезл отлетел в сторону, змей же быстро пополз вверх. Подскочив к некроманту, Тобиус немедленно попытался проверить пульс, но с воплем отдернул руку, на которой уже пузырилась какая-то пурпурная жижа. Судя по тому, как растекалось лицо Марэна, иглы сочились кислотой.

Быстро закатав рукава, Тобиус покрыл свои руки пульсирующим целебным свечением и стал водить ими по ранам. Повреждения были ужасными: кости, кожа, мускулы — пострадало все. Токсины уже распространялись по телу, неся разрушения во все ткани, терзая нервную систему и внутренности. Когда яд попадет в сердце, оно немедленно отомрет.

Тобиус замедлил ток крови, наложил на тело сильнейшие восстановительные чары, усилил стойкость организма к токсинам в десяток раз, введя Марэну так называемые «слезы иволги». Он шептал нужные словоформулы и сыпал на раны драгоценными ингредиентами, доставаемыми из множества внутренних карманов сумки. Убедившись, что отвоевал для некроманта немного времени, маг помчался вверх по лестнице, думая лишь о том, чтобы догнать колдуна-потрошителя.

Не разбирая дороги, спотыкаясь впотьмах, рискуя упасть и разбить себе голову о ступеньки, Тобиус рвался наверх. Он легко залечил свои незначительные раны Исцелением, но не почувствовал себя легче: слишком много сил было истрачено в поединке.

Вырвавшись в каменный мешок, он пробрался наверх по тоннелю и прополз в расщелине навстречу свету, однако то, что

он увидел, вырвавшись на свободу, его не обрадовало — в груди дымящегося тряпья, валяющегося поодаль на выжженной земле, с трудом узнавался брат Хорас. Половина тела огромного монаха почернела, вздулась волдырями, левый глаз был потерян, местами виднелись участки обугленной кости, кровь не сочилась, ибо все раны запек страшный жар. Неподалеку прямо из оплавленного камня торчал меч, свет его благодати и жар святости жгли и слепили Тобиуса даже на расстоянии, так что он не решился бросить на оружие второй взгляд.

Чудовищные раны должны были убить монаха, но нет, сильное натренированное тело все еще жило, хотя дышало оно едва-едва. Исцелять брата Хораса было бесполезно — магия слабо действовала на божьих слуг, — но Тобиус носил с собой настой белого алоэ, горький, изрядно ядовитый, но способный подарить полумертвому человеку несколько лишних часов, если оставить его в покое. Влив жидкость, похожую на густое белое молоко, в растрескавшуюся щель рта, волшебник бросился прочь. Больше он ничего сделать не мог при всем желании.

Когда колдун сбежал из лаборатории, его встретил брат Хорас. Огромный иоаннит закрыл собой путь к бегству, встал на смерть и в одиночку дал тому достойный бой, но был сражен чем-то страшным, от чего даже святое оружие не смогло его защитить. Да только и сам колдун целым не ушел. Тобиус ринулся по кровавому следу, которым враг окроплял прелую листву и ветки растений, убегая.

Змеиный Язык, как мысленно и сгоряча обозвал его Тобиус, собирался переходить через лесную речку, когда серый маг догнал его.

— Стой!

Колдун и не подумал остановиться — он продолжал идти, подволакивая правую ногу и сильно горбясь.

— Я сказал — стой!

Тобиус вскинул руки, и от всего его тела пошла волна ревущего пламени — не магического огня, который лишь подобие природного, а настоящего живого огня, воплощающего первостихию. Такой огонь был самым горячим, самым яростным, самым голодным, он бы сожрал мир, дай ему волю, и Тобиус носил частицу этого огня в себе, обладая даром стихийного волшебства. Не успеет колдун развернуться и закрыться Сферой Ледяного Мрамора — стал бы золой. На миг Тобиус увидел глаза своего врага, налитые кровью, с потемневшими белками и странными расширенными зрачками. Затем эти глаза вновь полыхнули ядовитым огнем.

— Я сказал, чтобы ты встал на месте, тварь! И ты встанешь на этом месте, или я тебя испепелю! — Загустевшая в горле слюна

заставляла его голос клокотать, уподобляясь звериному рыку. Тобиус занял боевую стойку.

— Ну что ты привязался ко мне? — устало спросил малефи-карум. — Пшел вон, щенок, пока во мне еще осталась капля милосердия.

— Ты не проявлял милосердия к тем, кого подвергал вивисекции, подонок! Тебе незнакомо значение этого слова!

— Какие громкие слова для желторотого юнца.

Вокруг колдуна закрутилась воронка грязной магической силы — настоящий ураган магии, готовой быть пущенной в ход. Он один уже выдержал противостояние с двоими волшебниками и двоими монахами, получил множество увечий и растратил сотни иор¹ магии, но за его плечами было еще больше силы, гораздо больше. Против колдуна стоял Тобиус, молодой, но не слабый волшебник, переживший много трудностей, участвовавший в боях против других магов, опытный, отчаянный и непоколебимо уверенный в своих способностях. Ни страшная сила, ни жуткие вещи, творимые Змеиным Языком, не смутили его, лишь разожгли жгущее чувство ненависти к зверю, потерявшему человеческое естество.

— Бешеная тварь... нет, не будет никакого суда! Никуда я тебя не поведу, а просто убью тебя! — Желтые глаза серого мага пылали яростью, ярко, словно янтарные угли в очаге.

— Какие ужасные угрозы... вы жестокий человек, чар Тобиус!

— Ага, и очень коварный...

Серебряный перстень с украшением в виде головы и крыльев полярной совы мягко засветился на пальце Тобиуса, и рядом с магом появилась тощая восьмифутовая фигура. Она словно состояла из одних только прямых линий и полупрозрачного голубовато-белого льда. Существо распространяло вокруг себя потоки сильного мороза, которые покрыли древесные стволы и землю слоем скрипучего наста, длинноносая голова безразлично уставилась на колдуна, рот-трещина выдохнул облако мороза. Дух бурана, одна из тех сущностей природы, которые укутывают мир в белое одеяло с приходом зимы, сильнейший из слуг Тобиуса, был готов исполнять приказы, и они не заставили себя ждать.

— Убей его!

Дух поднял руки, растопырил пальцы-сосульки на широких ладонях и исторг волну убийственного холода. Атака продолжалась всего три секунды, но этого было бы достаточно, чтобы умертвить все, что попало под удар. Однако когда дух прекратил

¹ Иор — крайне приблизительная единица измерения магической энергии.

морозить, превратив часть леса в зимнее царство и заковав реку в лед, Змеиный Язык остался невредим. Он стоял в столбе красного жара, и восходящие потоки нагретого воздуха пополам с паром колыхали его одеяние.

— Впечатляет, чар Тобиус. Но со мной вам не тягаться. Видите ли, дело в том, что у меня есть друзья...

Колдун стоял к Тобиусу вполоборота, левым плечом вперед, но потом он медленно повернулся — и серый маг увидел его правую руку. Рукав плаща был оторван, а красную, словно ошпаренную кипятком кожу покрывали шрамы. Не следы старых ран, но точная последовательная скарификация, линии магического рисунка и демонологические глифы, вырезанные по живой плоти.

— ...в Пекле.

«Так он и одолел иоаннита, — с замирающим сердцем подумал Тобиус, — демонопоклонник!»

Змеиный Язык имел покровителей в Пекле, возможно, даже заключил контракт с кем-то из демонов и теперь пользовался их силой. Чтобы одолеть такого колдуна, нужен был опытный демонолог, или сильный священник-экзорцист, или... Колдун взмахнул рукой, и с его пальцев сорвались огненные струи, превратившиеся в пылающий кнут. Широкий взмах — и кнут с громким хлопком обрушился на духа бурана. Тобиус бросился в сторону, спасаясь от страшного потустороннего жара, а его слуга испарился и вернулся обратно в перстень.

Тобиус нырнул за ближайший древесный ствол и бросился бежать. Дерево захлестнул кнут, и оно воспламенилось. Волшебник бежал и нашептывал слова заклинания, которое сам же и придумал какое-то время назад, он еще не успел опробовать его, но вот-вот намеревался это сделать. Сунув руку в поясной кармашек, он выбросил на землю два артефактных камушка, которые превратились в земляных элементарей. Пока призванные слуги безропотно погибали от ударов кнута, маг мчался прочь. Близость страшного жара трижды опаляла его спину, отчего плащ на плечах нервно дергался и протестующе рычал, но Тобиус всякий раз прибегал к тактической телепортации, молниеносно перемещаясь на незначительное расстояние в сторону, тем и спасая собственную жизнь.

— Куда же вы, чар Тобиус? — кричал Змеиный Язык. — Как можно убежать после стольких грозных слов, брошенных в порыве наглости?

Серый маг немедленно развернулся и встретился с малефикарумом лицом к лицу. Он не поддался на провокацию, просто заклинание уже было завершено, осталось донести его до цели.

— Ты умрешь, клянусь Даром, я убью тебя!

— Я предлагал вам оставить меня в покое, чар Тобиус, но моя невиданная щедрость не была оценена по достоинству.

За спиной колдуна образовалась черная выгоревшая просека, лес погибал, горели деревья и кустарник, огонь лизал скалы и пожирал мхи, гоня прочь испуганных до полусмерти животных. Сила Пекла несла в хрупкий мир живых существ разрушение и боль, как и было ей положено.

Малефикарум взмахнул рукой, вскидывая пламенный кнут для удара, Тобиус ринулся вперед, навстречу смерти, молниеносно телепортировался в сторону, избегая нечестивого оружия, а затем совершил прямой рывок, подходя вплотную к врагу. Кнут — это оружие опасное, но медленное, вблизи почти бесполезное, а вот булава — совсем иное дело. Поэтому удар тяжелой бронзовой дубины по правому плечу легко сломал врагу ключицу. С бешеным воплем колдун вскинул свободную, левую руку, на которой уже выросли кинжальные когти, но Тобиус ударил его кулаком в солнечное сплетение. В следующее мгновение труп колдуна упал наземь, когти исчезли, демонический кнут погас и растаял, будто его и не было. Сердце убийцы больше не билось, кровь замедляла бег в жилах, легкие не наполнялись воздухом.

Заклинание Мясной Гроб было придумано самим Тобиусом и не имело известных аналогов. Его нельзя было использовать на больших расстояниях или держать в жезле, только вблизи, только свежесплетенным, но результат того стоил. Один удар — и неминуемая, неотвратимая смерть наступала любого. Самым сложным было подобраться к врагу вплотную: ведь волшебники обычно предпочитали атаковать друг друга на больших расстояниях.

Тобиус вытер рукавом мантии пот с грязного лба. Остатки чернил, кровь, копоть... Волшебник тихо застонал, думая о том, что хоть колдун и умер, но последствия его дел остались — лес продолжал гореть. Он пошел в сторону очага возгорания, думая, как бы потушить все и не надорваться, когда за спиной полыхнул новый источник жара. Маг развернулся, понимая, что не успевает защититься, но вместо Змеиного Языка с кнутом наготове увидел тварь из демонологических атласов — ахога. Козлоное воплощение лжи, демон из Пекла, уродливое чудовище, источающее жар и серное зловоние.

Не обращая внимания на Тобиуса, демон легко подхватил труп Змеиного Языка и перебросил его себе на спину.

— Не смей! — Тобиус и сам не понял, откуда появилась в нем эта ревущая ярость, заполняющая грудь. — Это моя добыча! Эта падаль будет прибита к воротам Академии!

Ахог обратил к нему горящие глаза, дернул уродливым пята-

ком, хохотнул и растаял в огненной вспышке, оставив после себя лишь запах серы и быстро рассеивающийся черный дым. Тело колдуна он утащил с собой.

— Друзья в Пекле... — прохрипел Тобиус и закашлялся.

Призывать дождь, увещевая духов природы, не было сил, поэтому маг просто оторвался от земли и поднялся над дымной пеленой. Там он наконец смог вздохнуть и растереть слезящиеся влагой, вытянутой из воздуха, глаза. Дальше было проще: охватив самые низколетящие облака и спрессовав их в водяные сферы размером с тыкву, он градом обрушил эти снаряды на пожар. При ударе о землю и деревья шары взрывались, расплескивая воду во всех направлениях. Вскоре огонь угас, и по земле стал стелиться влажный серый дымок.

У подножия замшелых скал над братом Хорасом сидел брат Ольвех. Серый монашек водил руками по изуродованному телу своего собрата, от его пальцев на раны опускались тонкие золотистые нити. Рядом с телом Хораса лежал слабо шевелящийся и хныкающий сверток какого-то тряпья. Марэн валялся у входа в пещеру — он едва дышал, но все же продолжал цепляться за жизнь.

Забияка и Жнец стояли поодаль, ожидая приказов. Тобиус подумал, что это странно — ведь големы послушны только ему и, по сути, должны были ждать его внизу. Так почему же они поднялись?

— Это младенец? — обратился к петрианцу Тобиус, указывая на сверток.

— Да. Лежал и плакал в дальнем углу, там, где был основной распределительный узел.

— Вы будете искать его отца?

— Нет, — ответил монах после небольшого промедления. — Сему чаду суждено принять стезю служителя божьего. Отныне заботиться о нем будет Церковь.

— Понятно...

— Колдун? — спросил петрианец, не отрываясь от своих целительных манипуляций.

— Я убил его.

— Господь-Кузнец да простит вам сей грех. Тело?

— Можете мне не верить, но ахог унес его. Я ничего не смог сделать.

— Отчего бы и не поверить.

— Спасибо, что выгнали чара Марэна.

— Он — человек, — ответил брат Ольвех безразлично. — Все мы люди — как грешники, так и праведники. Все мы равны в глазах Его и в праве на жизнь равны тоже.

Тобиус поднял с земли жезл некроманта, с усилием взвалил тело на плечо и медленно выпрямился.

— На вашем месте я бы не торопился с этим, чар Тобиус.

— Что?

— Вы ведь хотите спасти сего грешника? Не надо, оставьте эту идею.

Тобиус помрачнел, поджал губы, его приятное лицо, сдобренное, как могло показаться, немалой долей благородной крови, в одночасье стало жестче, темнее.

— Тогда почему бы вам не оставить брата Хораса в покое? Он все еще дышит, но с такими ранами и без ухода умрет через несколько часов.

— Брат Хорас хороший человек, пылающий молот Господа, который еще послужит делу добра.

— А чар Марэн...

— Чар Марэн проклят. — Петрианец говорил тихо и ровно, как говорили все до единого члены его ордена, у которых будто были отняты все человеческие эмоции, но его голос все равно легко перекрыл громкий и злой голос мага. — Из его души не получится светозарного меча, и она падет в Пекло, в лапы демонов, и будет источать черный чад во время Последнего Побоища. Сегодня ему представился шанс погибнуть, совершая доброе дело, достойное дело, погибнуть, защищая добро. Если он умрет сейчас, практически мученической смертью, у его проклятой души появится шанс взойти к Небесному Горну и быть перекованной, а затем отправиться обратно в мир и вновь закалиться. Уже во благе, а не в скверне. Лучшая участь, о которой только может мечтать такой, как он. Если же он выживет каким-то чудом, то кто знает, какие еще ужасные деяния совершит в будущем. Оставьте, чар Тобиус, проявите милосердие.

— Ну уж тогда и вы оставьте! Брат Хорас тоже стоял за правое дело, и теперь сразу же...

— В Оружейных Чертогах обретается множество праведников, чар Тобиус. Церкви же нужны праведники здесь, на грешной земле, дабы они сражались против зла и несли тяжелую ношу защитников человечества. Поэтому я сделаю все, чтобы спасти брата Хораса. Чар Марэн — некромант. Лишь смерть способны творить адепты этого проклятого ремесла, лишь убивать живых и тревожить души мертвых могут они...

— Да все некроманты Семи Пустынь не перебили столько людей, сколько замучили в казематах своих цитаделей клирики Петра и Святого Официума! — взорвался Тобиус... и немедленно пожалел об этом.

Шутки тут же закончились, его высказывание встало даже не на грани, это был шаг далеко за грань всех дозволенностей. Он

совершил непозволительное в присутствии монаха, обвинил охотников Господних и Святой Официум в убийствах, извратил суть их незаменимой работы, сиречь высказался в поддержку колдунов, ведьм, демонопоклонников и прочих еретиков. Уже этого было достаточно, чтобы на него надели эстрийские перчатки¹ и привязали к столбу над кучей хвороста.

— Не сегодня, — спокойно сказал петрианец. — Не сегодня, но когда-нибудь, не сомневайтесь, Церковь припомнит вам эти слова, чар Тобиус.

Круглые безразличные глаза Ольвеха буравили саму душу мага. Глаза братьев Петра имели один взгляд на всех. И на всё. В стенах Академии шептали, что до пострига неопиты Ордена святого апостола Петра являются обычными мужами и отроками, но после пострига, надев серые робы, они меняются. Что-то происходит с ними, серость, подобная цвету их одеяний, овладевает их душами, тают чувства, лица становятся невыразительными, голоса никогда не звучат громко, и глаза... эти страшные безразличные ко всему глаза, в которых бесконечно горит лишь один огонь — огонь веры. Петрианцев словно отрезают от всех страстей, и одинаковыми глазами они смотрят на мир, единые во взглядах и стремлениях, безжалостные братья Петра.

Хотя такие ли безжалостные?

— Тогда пусть Церковь вспомнит и мои заслуги, — ужасаясь своей наглости, бросил серый маг. — Забияка, Жнец, ко мне!

Големы приблизились и положили свои боевые конечности на плечи хозяина. Тобиус телепортировался прямо к «Кладбищенскому двору».

Когда в ноги ударила земля и лесная теснота сменилась ветреным простором перекрестка, а перед магом возникла бывшая дозорная башня, пришел запоздалый страх, что рядом с монахами магия сработает неточно и Телепортация зашвырнет куда-то не туда.... Но обошлось.

— Марэн, ваши защитные чары...

Говорить с некромантом было все еще бесполезно, его тело пока что не погибло, но само это обстоятельство уже являлось подвигом человеческой живучести, и не стоило ожидать большего. Уложив волшебника на траву возле дороги, Тобиус порылся в сумке и вытянул оттуда крохотный фиал, наполненный прозрачной жидкостью насыщенного индигового цвета. Откупорив его, он сделал маленький глоток и сморщился от невооб-

---

¹ Футляры, повторяющие форму человеческих ладоней, обычно изготовленные из железа с элементами керберита или из керберита целиком. Предназначены для того, чтобы закованный в них волшебник не мог совершать магических пассов, а также лишался чувствительности к магическому дару. Были изобретены монахами из Эстрэ для охоты на колдунов и ведьм.

разимой горечи. Слегка заломило виски, шумная волна магического прилива затопила сознание, и запас магической силы пополнился на несколько сотен иоров.

Прикрыв глаза, маг соприкоснулся с ажурной клетью защитных заклинаний, которыми Марэн, уходя, накрыл свою собственность. Он быстро отверг мысль попытаться войти внутрь с некромантом на руках, в надежде что чары примут это за возвращение хозяина и распадутся. Риск того, что на Тобиуса рухнуло бы все, припасенное Марэном для воров, показался серому волшебнику уж слишком большим. Осторожно распутывая нити, расшатывая основы системы и надламывая печати, Тобиус в конце концов снял защиту.

Пришлось втаскивать тело на вершину башни, в кабинет некроманта. Марэн был положен на жесткую дощатую лежанку, покрытую тонкой льняной тканью, а серый маг отправился рыскать по полкам и шкафам. К его разочарованию, оказалось, что хозяин гостиничного двора — никудышный зельеваритель. Никаких редких и ценных ингредиентов, даже стандартный набор трав и порошков не был собран полностью. При таком раскладе стоило благодарить судьбу уже за то, что хотя бы котел имелся в наличии и колдовской очаг исправно горел. Тобиусу пришлось лезть в собственную сумку и доставать коробки из пасти Лаухальганды.

Серый маг беспрерывно варил лекарства и комбинировал противоядия в течение двух суток, попутно поддерживая в Марэне жизнь. К счастью, у него осталось несколько иголок с образцами кислотного яда для создания антидота. На третий день некромант умер, и пришлось пересаживать ему сердце, а заодно и глаза взамен вытекших.

Пробный образец противоядия Тобиус вливал в тело Марэна на протяжении следующих трех дней, после чего проявились побочные эффекты в виде пурпурных язв на правой руке. Взяв образец вещества из язв, волшебник разобрал его состав, изменил формулу антидота и начал вливания улучшенного состава. Повреждения организма были страшными. Что-то Тобиус смог исправить благодаря опыту и целительским талантам, ну а что-то могло исправить лишь время и чудо. Особенно сильно пострадало лицо, и надеяться, что оно когда-нибудь станет выглядеть как прежде, не следовало. Тем не менее Марэн потихоньку выкарабкивался с того света, доказывая, что некроманты — самые живучие из всех волшебников мира.

Прошли полторы недели, в течение которых Тобиус сидел над телом Марэна, неотрывно следя за его состоянием. Однажды ночью налетела гроза, как в тот первый вечер, когда Тобиус пришел в «Кладбищенский двор». Волшебник спустился в по-

греб, чтобы набрать себе еды, когда во входную дверь громко постучали. Причем не просто громко, а так, будто хотели высадить дверь. Поставив деревянный поднос на стойку, Тобиус подошел к двери. Впускать в зал сырость и холод снаружи, где разбушевалась непогода, не хотелось, но и сделать вид, что никого нет, было нельзя. Он отпер дверь.

— Мы закрыты, — сказал Тобиус, получив пощечину от холодного ветра, ворвавшегося в зал.

Короткая вспышка молнии выхватила из темноты силуэт высокого человека в дорожном плаще со стоячим воротником. Рука волшебника дернулась к жезлу, но он вовремя остановился, потому что жезл остался на вершине башни, а на пороге «Кладбищенского двора» стоял не Змеиный Язык.

— Почему я не могу войти? — спросил посетитель грубо.

Тобиус глубоко втянул носом мокрый и холодный воздух — лицо его стало жестче.

— Наверное, тебе мешает вот это. — Он указал пальцем на дверной косяк, на котором виднелись вырезанные его собственным ножом новые охранные знаки.

— Где хозяин?

— Болен.

— Впусти, у меня есть приглашение. Марэн мой друг.

— Всякий может сказатьсся другом человеку, который сам за себя отвечать не может. Пшел прочь.

Между треуголкой, с которой стекали ручейки дождевой воды, и краем поднятого воротника на лице незнакомца вспыхнули красные огоньки.

— Ты хоть знаешь, на кого лаять вздумал, смерд? Да я сейчас стены порушу, и никакие знахарские царапки на косяке твоего горла не спасут!

Тобиус без слов вскинул руку и ударил потоком золотого света, снося собеседника с порога. Из темноты послышался громкий вопль боли, перетекший в жалобный скулеж.

Раздался громовой раскат.

— И чтобы больше не появлялся здесь, — бросил серый маг в холодную ночь. — У меня еще много такого припасено! На целое кладбище хватит! Пададь ходячая...

С этими словами он захлопнул дверь, запер все замки, проверил систему защитных чар, которой опутал «Кладбищенский двор».

Марэн очнулся на вторую неделю. Тобиус сидел за его столом и разбирал бумаги, украденные из лаборатории Змеиноного Языка, когда некромант захрипел громче обычного.

— С пробуждением. Не пытайтесь говорить, у вас глотка пересохла и язык распух. Сейчас дам воды.

Напоив больного, серый волшебник уселся в кресло рядом с ним и стал проверять состояние тканей. Специальные чары, «пришитые» к органам Марэна, проецировали наружу неосознанные потоки световых рун и глиф, по которым можно было читать о состоянии организма.

— Где мы?

— А вы не чувствуете запаха?

— Моя лаборатория.

— Да, именно.

— Я ничего не вижу.

— Конечно. Ваши глаза буквально испарились, пришлось пересаживать новые.

— Вы смогли провести столь тонкую операцию? Я впечатлен.

— Благодарю. Глаза приживутся через несколько месяцев, но вам лучше беречь зрение.

— Обяза...

— Также пришлось пересадить вам новое сердце.

Истончившиеся за время болезни руки некроманта дернулись, но упали бессильными плетями. Потом он медленно пошарил пальцами по груди и нащупал длинную линию швов под бинтами.

— Тонкая работа... да вы великолепный целитель, чар Тобиус.

— К счастью, эту грань Искусства я смог в себе развить. Хотя, будь вы менее выносливым, я бы вас не вытащил. К тому же трудно сращивать ткани некроманта — часть целебных чар для вас имеет противоположный эффект.

— Я знаю, это отторжение моего Дара к жизни. Увы. Сколько времени прошло?

— Две недели. Две с половиной, не знаю точно.

— И вы все это время не давали мне умереть?

— Делал что мог.

— Однако. Не могу подобрать слов благодарности. Не пришлось их использовать.

— Не утруждайтесь.

— А малефикарум?

— Я его убил.

— А...

— Я прервал все жизненные циклы его тела, перекрыв поток импульсов из головного и спинного мозга по нервным волокнам. Все процессы, включая вегетативные, были прекращены, душа замкнута внутри тела. Я называю это Мясной Гроб. Авторское заклинание.

— И душа остается запертой в теле в течение...

— Пяти минут. По истечении этого срока наступает перманентная смерть.

— Вы жестокий человек, чар Тобиус...

— Да, и очень коварный. Теперь я думаю, почему бы мне не поступить так же и с вами?

— Вопрос скорее в том — зачем вам меня убивать?

— Вы обманули меня, сказав, что не практикуете Искусства. Однако путь Гнили вам знаком.

Марэн лежал плашмя, перевязанный бинтами, пропитанными лечебной мазью. Большую часть его головы также покрывали бинты. Несмотря на то что Тобиус регулярно вливал в него питательные смеси, некромант потерял две шестых своего веса и едва мог шевелиться.

— Значит, чар Тобиус, вы нашли их.

— Под полом в кухне, в свинцованных саркофагах, лежали и ждали команд. Я не сразу догадался, но, когда сложил все в голове, оставалось только найти их. Работники, которые не потеют на жаркой кухне, куда-то исчезают перед приходом монахов, работники, для которых в доме нет ни комнат, ни одежды. Работники, которых вы не отпустили перед уходом на охоту. Очень удобные работники. Ашке и Фрешке, если я правильно помню? Кем они были при жизни?

— Лихими людьми. Это правда. Я не заманивал жертв в свою гостиницу, не убивал их и не проводил запретных ритуалов, отнюдь. Я тихий человек, живущий тихой жизнью. Завалились однажды двое, я их накормил, напоил, а потом, вместо благодарности и оплаты, они приставили мне нож к горлу. Здоровые деревенские лбы, но тупые до упора. Я их усыпил. Потом задушил. Потом обработал тела бальзамами и поднял в виде молчунов.

— Мой черед выражать вам восхищение. Молчуны — такая редкость в наши дни, не всякий мастер станет тратить на них время.

— В Вестеррайхе — да. Но в странах Правого Крыла¹, как я слышал, их много...

— Однако теперь я обязан сообщить Академии и Инвестиции о случае применения запретных техник.

— Это была самооборона.

— Самооборона — это если бы вы их усыпили и сдали властям, а не убили и превратили в ходячие трупы. Вы поступили плохо.

— Они были мерзавцами и подлецами. Не берусь утверждать, но думаю, что они не раз и не два убивали ни в чем не повинных людей. Я лишь позаботился о том, чтобы этого не случилось вновь. Никогда. К тому же и вы не безгрешны. Убили злодея, а

---

¹ Территория континента к востоку от Драконьего Хребта. Соответственно к западу — Левое Крыло.

совесть вас не мучает? Он ведь был человеком, рожденным и вскормленным человеческой женщиной отнюдь не для того, чтобы быть жестоко убитым. Вы уверены, что поступили правильно? Вы уверены, что имели право отнимать жизнь, сколь бы ужасным ни был ваш враг, в то время как вернуть ему жизнь вы не можете?

Тобиус встал, подошел к столу, собрал свои вещи, сунул в сумку сонного Лаухальганду. Затем накинул на плечи свой плащ, застегнул фибулу, на которой моргнул живой красный глаз, и направился к люку. Открыв его, маг повернулся к хозяину.

— Меня мучает совесть, чар Марэн. И я сознательно принял эту ношу, когда решился на то, что сделал. На мне грех убийства, и это мучает меня, однако это цена, которую я решил заплатить за доброе дело. Вы же — некромант.

— Разве я скрыл от вас это? — тускло улыбнулся Марэн.

— Нет. Но отчего-то, не знаю отчего, мне показалось... показалось. Однако я ошибся. Вы некромант и смотрите на жизнь мертвыми глазами. Мне, как волшебнику, понятно это, я тоже не люблю, когда впустую пропадает полезный материал. Однако для меня материал — это камни, порошки, сушеные и свежие растения, а для вас — люди. Одного молчуна я разобрал — надо же было достать вам сердце и глаза. Но второй, я думаю, сможет позаботиться о вас. Всего доброго.

— Только один вопрос, чар Тобиус! Скажите, после того как вы используете свой Мясной Гроб, ваша жертва сохраняет способность мыслить? Вы сказали, что отрезаете мозг от остального тела, прекращаете все жизненные функции, даже вегетативные, но, для того чтобы запустить все это заново в течение пяти минут, необходимо, чтобы мозг остался жив. Вы добились этого каким-то образом, возможно, благодаря неким особым целительским приемам, — так скажите мне, правда ли, что душа и разум вашей жертвы заперты внутри собственного трупа, в полной темноте, без зрения, без слуха, без осязания, без возможности сделать вдох? При этом ваша жертва продолжает существовать как личность и переживает самый дикий ужас, на который способно живое существо...

Некромант не дождался ответа и хрипло засмеялся.

— Мясной Гроб! Я понял! Как точно! Да по сравнению с вами я просто святой! — хохотал некромант.

Тобиус неспешно спустился по лестнице. Он позвал с собой големов, дожидавшихся его в пустом обеденном зале, вышел под открытое небо, плотно затворил дверь и, спрыгнув с порога, зашагал на северо-восток, в столицу, к титулу магистра магии.

Медальон Академии может послужить бесплатным пропуском во многие места. Например, в города Ривенского королевства. Адептов Академии Ривена закон не обязывал платить въездную

пошлину или подорожные сборы, поэтому Тобиус попал за городские стены беспрепятственно и даже с не оскудевшим кошельком.

Ордерзее, столицу Ривена, самый большой и богатый город в королевстве, населяло более ста тысяч душ, человеческих и не очень. Покой величественного города хранили высокие крепостные стены, у основания которых расстилались богатые и обширные предместья. Каждый из четырех трактов, ведущих к разным вратам Ордерзее, защищала крепость, а в самом городе постоянно квартировали солдаты столичного королевского гарнизона в дворцовых казармах и полк Церковного Караула в монастыре святого Тильма. Правда, с тех пор как законный король удалился в ссылку, столичный гарнизон утратил титул королевского, и ныне с красных знамен, реявших над казармами, скалилась черная росомаха рода Вольферинов.

— Куда бы нам теперь податься? — спросил Тобиус у своих безмолвных спутников.

Его взгляд невольно пристал к главной башне Академии, громадной махине, подпирающей небо, которая была хорошо видна со всех концов Ордерзее, ибо возвышалась над любимыми крышами. Выше этой башни могли быть лишь те, что стояли в Сердце Дракона, священном городе Астергаце, а также те, что украшали собой столицу бывшей Гроганской империи великий и блистательный город Алиостр.

Хотя было еще два города, которые могли бы поспорить величию своих шпилей с другими памятниками древней архитектуры, — Абсалодриум Раздвоенный.

Решив, что дела Академии могут и подождать, серый маг пошел по улицам столицы, рассматривая и узнавая места, которые запомнил еще в детстве. Будучи ребенком, он без усталости мог смотреть на город из окон Академии в редких перерывах между занятиями и посещением библиотеки. Будучи отроком, волшебник носился по этим улицам, исполняя поручения наставников. Тобиус любил столицу и тех, кто в ней жил.

А жили в Ордерзее не только люди. В основном, конечно, они, но с людьми уживались и нелюди. Из последних численно выделялись гоблины, самые приспособленные к выживанию где бы то ни было существа в Валемаге. Еще порой на улице можно было встретить гнома или двух. Они редко приезжали на крайний запад Вестеррайха, обычно оседая где-нибудь поближе к родному Кхазунгору¹, не дальше Архаддирского королевства.

---

¹ Царство гномов, расположенное внутри и под Драконьим Хребтом, неофициально — самое большое государство в мире и самая древняя мировая империя. Кхазунгором правит король, являющийся предводителем всего своего народа, но отдельные этнические кланы имеют немалую политическую автономию.

Гномы содержали оружейные и ювелирные мастерские, упорно стараясь продвигать свой высококачественный товар на рынок Ривена. Дела у них шли сравнительно неплохо, но могли бы идти еще лучше, кабы гномы ограничивались оружием. Из-за конкуренции на рынке ювелирных изделий бородачи постоянно конфликтовали с многочисленной гоблинской диаспорой, ибо зеленокожие плуты искренне считали все золото мира своей собственностью, а работу с драгоценностями — видовой монополией. Примерно раз в год-полтора Ордерзее становился на уши, когда отряды гоблинов с Сияющего Перекрестка и небольшие группки гномов из Золотого Тупика сцеплялись прямо на улицах подальше от центра. На помощь гномам-ювелирам неизменно поднимались оружейники Стальной Артели, и шумная баталия растягивалась порой на целую ночь, то затихая, то разгораясь. Стража Ордерзее не вмешивалась, пока не звучали первые мушкетные залпы, после чего разгоняла нарушителей спокойствия.

Валемар был домом еще для многих носителей разума, но почти все они жили за пределами доминиона человеческого владычества. В восточной части Вестеррайха, в частности в Солмее и Эстрэ, помимо гномов и гоблинов можно было встретить полуросликов, а на самом юге Левого Крыла лежал заповедный Лонтильский лес, обитель эльфов. Орков сбросили в море еще до рождения Грогана, но они не утонули (в чем некоторые остроумные менестрели видели вполне естественное явление) и смогли заселить Зеленые острова. Генглары, наджа и еще десятки разумных существ жили бок о бок с людьми в странах Правого Крыла, в Вольных Марках, Имем-Муахит¹, Речном королевстве, а еще конечно же на Аримеадском архипелаге.

Под боком у Ривена обитали и другие разумные существа — хобгоблины, например. Или зуланы. Хотя их-то люди и не жаловали. Эти одноглазые варвары до сих пор тревожили самое западное приграничье королевства мелкими набегами, и их жестокость давно стала нарицательной.

Тобиус прошелся по каменной набережной над водами широкого Мьельна, издали полюбовался фасадом собора Ордерзее на Храмовом острове, купил в передвижном лотке пирог с ливером и, запивая его разбавленным сидром, пересчитал изваяния на площади Озворнея. Посмотрев на выступление балаганщиков из Марахога, волшебник бросил им под ноги несколько лу-

¹ В переводе — Семь Пустынь, прежде именовались Вархали-Дебура-Муахит (Великой Белой пустыней). Союз государств, расположенных на теле огромной пустыни на Правом Крыле, созданный некрмантами Черных Песков.

тов. Встречая по дороге людей в разноцветных мантиях, он приветствовал их кивками, как равных, а если они при ходьбе опирались на посохи, то кивал глубже, приговаривая: «Мое почтение, ваше могущество». Он шел и просто с удовольствием озирался по сторонам, чувствуя неподдельное наслаждение от того, что вновь оказался в столице. Как бы сильно Тобиус ни убеждал себя, что жизнь в темной глухомани — это его судьба, память о шумных улицах и величественных дворцах столицы никогда не отпускала его насовсем.

Ноги сами привели волшебника к порогу таверны «Спящий великан». В юности он, бывало, приходил сюда с собратьями по Дару, чтобы вкусить простых человеческих удовольствий вроде пива, непристойных выражений и драк. Выцветшая деревянная дощечка с намалеванным на ней пузатым великаном, спящим под покосившейся елью, все так же раскачивалась на металлическом стержне над дверью. Милдон Фазард так и не собрался обновить ее с тех пор, когда Тобиус был еще учеником.

Внутри почти ничего не изменилось, все было знакомо, и даже запахи остались те же, словно из прошлой жизни. Хозяин не признал его сразу, только после нескольких слов.

— Да тебя не узнать! — воскликнул он, взмахивая руками.

— Разве? Вроде бороды неросло, и усов тоже.

— Ну... знаешь, добрый чар, уходил отсюда парень, а вернулся мужчина! Ты вроде и в плечах стал шире, и ростом...

— Ну-ну, не стоит преувеличивать, господин Фазард.

— Сколько тебя не было, чар?

— Года два-три, кажется.

— Да? — Лицо хозяина как-то странно потемнело. — А кажется, что уж все десять лет.

— Отчего так?

Вместо ответа Фазард кивнул влево, туда, где у стойки выпивали двое в черных мундирах с алыми лентами через грудь. Позолоченные эполеты их сверкали, краснели кушаки, и явственно выделялись нашивки на рукавах. Войдя, Тобиус не обратил на них внимания, мазнул взглядом и подумал, что в «Спящего великана» зашли выпить офицеры. Но теперь он видел двоих армейских магов на службе у узурпатора.

— Подчиненные генерала-архимага Шивариуса, — одним губами произнес хозяин, ставя перед гостем кружку красного эля. — Развелось их в последнее...

— Мешают? — так же тихо спросил Тобиус.

— Не то чтобы. Ходят как хозяева, придираются ко всему и вся, нередко задирают простых людей. Хорошо хоть не грабят. Горожане их, ясное дело, недолюбливают, но что мы можем?

— Дело не сахар.

— Да, не сахар... ты не подумай, чар Тобиус, тут ни о чем таком речи не идет, ну, знаешь, об открытом неповиновении. Всех, кто эту речь завести пытался, быстро за горло брали. Голода нет, и законы вроде соблюдаются, но тем же временем вербовщики просто как волки стаями носятся туда-сюда. Армия растет, а страна словно на то только и работает, чтобы кормить и содержать новые полки. Глянь-ка на стену, друг мой.

На стене висел большой портрет в простой раме, с которого на посетителей таверны сурово взирал мужчина с тонкими усами и острой бородкой. У него были седые волосы, высокий морщинистый лоб с залысинами и шрам через левый глаз.

— Будто следит за нами.

— За всеми следит. Они висят даже на улицах.

— А я не заметил... Господин Фазард, давайте будем говорить тише, — предложил Тобиус, пододвигая к хозяину пустую кружку. — А то ведь такие времена настали, что уши разве что только из стен еще не растут.

— Да что вы, чар Тобиус, это же чисто промеж нами, по старой...

— Это вы думаете, что я чар Тобиус. А вот я сейчас проведу рукой по лицу, сниму маску — и окажется, что я один из этих, повязанных. А вы мне столько наговорили! Вас в застенки отволокут, а таверну припишут государственной собственности, и будет у нас здесь ночлежка для всяческих бродяг...

— Только не для бродяг! — Фазард спал с лица, на его лбу выступили капельки холодного пота, и губы нервно задергались.

— Налейте-ка мне сладкого пива и достаньте перцового печенья. А впредь протирайте портрет его светлости лорда Вольферина дважды в день, чтобы никакой копоти, и мух отгоняйте, а если кто-нибудь заговорит при вас о политике, во всем и по-всякому хвалите правителя. Даже если дойдет до полного идиотизма. Даст Господь, и раскаленные щипцы обойдут ваши бока и пальцы на ногах стороной.

— Чтоб вам пусто было — так шутить!

— Это не шутки, это я вашу жизнь, можно сказать, спас, друг мой.

Тобиус уселся за стол поближе к окну и наблюдал, как отошедший от испуга хозяин бросился на кухню. Жестоко поступать так с людьми, особенно с теми, кто тебе в жизни слова плохого не сказал. Но Фазард жил слишком спокойно и беспечно, чтобы научиться хитрить, он даже пива не разбавлял, этот простодушный честный человек. А в нынешние времена простодушие могло сыграть дурную шутку. Дела в Ривене были плохи, и даже очень. Тобиус понял это не из тихого ропота, услышанного только что, а из того, как быстро и как много он услышал. Не

пробыл в столице и трех часов, как уже узнал столько всякого, а ведь незначительные новости так быстро не распространяются, скорее всего, у ривов уже некоторое время в душе кипит котел недовольства.

Получалось, что подданным не нравился новый порядок. Не нравилось, как быстро растет количество солдат, не нравилось, как тень войны поднимается над страной, хотя и неясно — кто с кем собирается воевать? Голода нет, эпидемий нет, налоги возросли, но не до неба, наказания для разбойников и воров ужесточены, на дорогах стало безопаснее. Жить можно. Однако люди чувствуют потяжелевшую руку власти, и чувство это им не по нраву.

А еще... что-то душное, но неосязаемое разливалось в воздухе. Тобиус чувствовал это «душное» по-своему, как маг, чьим глазам и ушам открыто больше, чем глазам и ушам простых смертных. Что-то в стране шло *не так*. Не так, и все тут.

Сначала все были рады, что не случилось страшного. Законный правитель уступил всем требованиям идейного вдохновителя переворота, оставил трон и казну, приказал гвардии сложить оружие и удалился из Ордерзее вместе с крохотной свитой. Так удалось избежать гражданской войны. Но вот прошло несколько лет, люди отошли от первого испуга и начали говорить. И говорили они о древнем праве рода Карторенов на ривенскую корону, о благороднейшем из королей, Бейероне Карторене, отдавшем трон узурпатору во имя целостности и благополучия народа. Находились, конечно, и такие, кто вменял поступок короля ему в вину, обличая Бейерона в трусости, но их часто били, и они высказывались все реже. Пока же низложенный монарх «прозябал» в своем крошечном аллоде на границе изведенных земель, его подданные называли его чуть ли не святым. Для Валарика Вольферина, который не имел права надеть корону, это было крайне неудобно. Его армия росла, но, какой бы большой она ни становилась, трон все равно оставался пуст. При этом отсутствие настоящего короля, даже короля-узурпатора, заставляло народ Ривена чувствовать себя осиротевшим.

Остро-соленое перцовое печенье и сладкое холодное пиво в сочетании давали отменный вкус. Печенье дарило сытость и разжигало жажду, пиво заливало жажду и охлаждало горящий от перца рот. Похрустывая квадратными печенюшками, Тобиус осматривался, время от времени пытаясь услышать разговор армейских магов. Те вели себя вполне прилично и тихо переговаривались, попивая что-то не слишком крепкое. Допив свои кружки, армейские отлипли от стойки, один стал расплачиваться, а второй пошел к двери, слегка покачиваясь. Проходя мимо стола, за которым сидел Тобиус, ленточник бросил на серого

мага мимолетный взгляд, сделал шаг, второй, после чего остановился и резко развернулся. Тобиус не стал отворачиваться, тоже посмотрел в лицо армейцу. Светло-коричневая кожа, черные волосы, густые брови, типичный...

Внезапно Тобиус узнал этого человека. Прежде у него имелись усы и борода, он не носил униформы, теперь же он был гладко выбрит, коротко стрижен, и на нем сидел черный мундир.

— Альфонсо де ля Ратта?

— Чар Тобиус?

Армадокиец издал нервный смешок и ринулся к двери, опрокинув по пути взвизгнувшую разносчицу.

— Забияка, врежь ему! — заорал Тобиус, вскакивая с места.

Голем, доселе мирно стоявший возле двери, шагнул вперед и прямым ударом в лоб опрокинул беглеца на пол. Второй армеец, увидев это, выхватил из-за кушака жезл, но Тобиус оказался быстрее и парализовал его брошенным сплетением чар. Оставив на стойке несколько монет, серый маг схватил почти бессознательного де ля Ратту за ворот и громко заорал:

— И только попробуй донести, толстяк! Ты ничего не видел! Вы все ничего не видели! — Теперь, если начнется расследование, будет шанс, что Фазард сможет отбрехаться и о его знакомстве с преступником, напавшим на армейских магов, не узнают.

Тобиус вывалился на улицу, распугав нескольких пьяниц, собиравших мелочь на опохмеление. Некоторые горожане при его появлении стремились поскорее пройти мимо, другие замедляли ход и подозрительно присматривались.

— Что ж ты так нажрался, Альфонсо! — громко твердил Тобиус, оттаскивая колдуна в сторону. — Свинота такая! Ты же честь мундира позоришь! Всю ленту себе облевал, гад!

Прохожие сразу потеряли интерес к происходящему, один пьяный другого из кабака волочит — эка невидаль!

Затащив де ля Ратту в проулок, Тобиус швырнул его спиной на стену и плеснул в лицо водой, сгущенной из воздуха. Едва не утонувший колдун, стоило ему прийти в себя и откашляться, схватился за жезл, но получил слабый разряд электричества и лишился оружия.

— Что это за дерьмо? — Тобиус с некоторой брезгливостью посмотрел на чужой артефакт в своей руке.

Он держал прямой медный жезл средней длины с медным же набалдашником. Его рукоять была совершенно гладкой. Создатель не пожелал добавить в конструкцию элементарного спирального строения, но зачем-то прицепил складной штык. На взгляд Тобиуса, как неплохо знающего артефактора, эта поделка заслуживала лишь быть немедленно переплавленной на монеты.